

ФИЛИП РИВ

«Прекрасное сочетание ретро, футуризма
и неземной любви, вокруг которой
разворачивается история».

FINANCIAL TIMES

ЭКСТРЕСС ЧЁРНЫЙ «ПРИЗРАК»



От автора серии бестселлеров
«ХРОНИКИ ХИЩНЫХ ГОРОДОВ»

Хроники Великой Сети

Филип Рив

Экспресс «Черный призрак»

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-3 (73)
ББК 84(7Coe) 44

Рив Ф.

Экспресс «Черный призрак» / Ф. Рив — «Издательство АСТ»,
2016 — (Хроники Великой Сети)

ISBN 978-5-17-120516-4

Зен и Нова путешествовали в другие миры и раньше, но теперь все изменилось: они прошли через ворота, которых вообще не должно быть, совершили ужасные вещи, которые нельзя исправить, и больше не смогут вернуться назад. Новая Императрица Великой Сети только что вызволила из тюремного морозильника Чандни Ханса, а в жизни наследника великой династии и девушки-моторика появилось новое испытание – таинственная Черная Зона. Найти путь домой становится все труднее – да и как, если дома, возможно, больше не существует?..

УДК 821.111-3 (73)
ББК 84(7Coe) 44

ISBN 978-5-17-120516-4

© Рив Ф., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Часть 1. Паутина миров	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Часть 2. Девочка-ледышка	15
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Часть 3. Разбитая Луна	26
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	35
Часть 4. Рельсовая война	38
Глава 10	38
Глава 11	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Филип Рив

Экспресс «Черный призрак»

Philip Reeve
Black Light Express

© Philip Reeve 2016
© Л. Бородина, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Часть 1. Паутина миров

Глава 1

Туннель существовал не дольше нескольких минут. Стены до сих пор дымились и даже местами светились, как будто их накаляло что-то очень горячее. По полу шли двойные железнодорожные пути, тянувшиеся почти на километр к самому сердцу горы, где туннель резко обрывался у глухой скалы. Что-то было вплавлено в стены и крышу: арочный проход, сделанный из совершенно незнакомого вещества, чем-то напоминающего кость.

Арка начала светиться. Свет не имел цвета и, казалось, не имел источника. Он струился внутри прохода, словно мягко колыхавшийся занавес. Оттуда дул легкий ветерок, принося с собой аромат, который смешивался с запахом обожженного гранита от еще теплых стен туннеля. Это был аромат моря. Глоток воздуха из другого мира.

И вдруг там, где только что ничего не было, возник поезд. Старый красный локомотив тащил за собой три вагона, выкатываясь из ниоткуда сквозь завесу света. Вперед него по туннелю неслась песня поезда и рев двигателя. В первом вагоне худошавый смуглый паренек по имени Зен Старлинг и девушка по имени Нова, которая на самом деле была вовсе не девушкой, прижались лицами к окну.

Сначала было видно лишь опаленные остекленные камни стен, пронесившиеся мимо. Потом они вылетели из туннеля: стены исчезли, и поезд помчался по открытой равнине. Мелькали неясные очертания, по обе стороны от поезда поднимались на дыбы странные молотовые твари, пугая даже Нову, пока та не поняла, что это всего лишь скалы. Широкие лагуны, похожие на упавшие зеркала, отражали пыльное голубое небо, несколько солнц и россыпь дневных звезд.

Зен и Нова уже не первый раз путешествовали на поезде из одного мира в другой. Они прибыли из Империи Сети, чьи станции были разбросаны по всей галактике и соединены К-шлюзами, через которые поезда перемещались от одной планеты к другой в мгновение ока. Но шлюз, через который они только что прошли, был новым: его вообще не должно было быть, и они проехали сквозь него, не зная, куда он ведет.

– В новый мир, – сказала Нова. – На новую планету, под новым солнцем. В место, которое никто, кроме нас, никогда не видел...

– Но здесь же ничего нет! – воскликнул Зен отчасти с разочарованием, отчасти с облегчением. Он не знал, что ожидал увидеть. Мистические города? Башни из света? Миллион Станционных Ангелов в приветственном танце? Их окружали только лагуны, низкие островки травы и красноватые скалы. Лишь кое-где на мелководье виднелись скопления бледных, флагоподобных существ.

Поезд заговорил. Старый красный локомотив «Дамасская роза» обладал собственным разумом, как и все локомотивы Империи Сети.

– Воздух пригоден для дыхания, – сказал он. – Не обнаружено никаких систем коммуникаций – я не получаю сообщений от систем сигнализации или управления железнодорожным движением...

Нова была моториком – человекоподобным андроидом. Она сканировала диапазон волн своим беспроводным разумом, ища Море данных этого мира. Ничего не обнаружилось. Только

атмосферные помехи, накатывавшие, как прибой, и бессмысленная трель квазара¹ в миллионе световых лет отсюда.

– Может быть, в этом мире пусто, – предположила она.

– Но здесь есть рельсы, – сказала «Дамасская роза».

– Настоящие рельсы? – спросил Зен. – Обычные? Правильных размеров и все такое?

– Хм, – задумался поезд. – Есть один простой способ это проверить. Мы падаем? Нет.

Поэтому могу сказать, что рельсы в прекрасном состоянии. Совсем как дома.

– Но откуда они взялись?

– Благодаря Червю, – сказала Нова. – Их проложил Червь...

Червь был инопланетной установкой, которая распарывала ткань реальности для формирования новых шлюзов, она же выплвила этот туннель в сердце гор. По мере отдаления от гор она выпускала гладкие новые рельсы, словно паук паутину. Вскоре Зен и Нова увидели на камерах «Розы» облако пыли, неуклонно движущееся впереди них. Внутри этого облака порой виднелись волнистые гребни и бесцветные яркие молнии, остающиеся от Червя, и очертания его сгорбленной массы, похожей на огромную полумеханическую личинку. Движущийся храм биохайтека, извергавший пар и странные сгустки света. Внутри него и под ним с головокружительной скоростью происходили масштабные промышленные процессы. Надо было не только раскладывать керамические шпалы по отсекам, как яйца, и натягивать на них рельсы, скрепляя болтами, но и срезать скалы или плавить породу, чтобы прокладывать короткие туннели. А для того чтобы рельсы лежали ровно, им нужно какое-то твердое основание, поэтому с землей под Червем что-то происходило, он делал ее тверже и глаже почвы вокруг, по ней прыгали странные пятнышки света. Они то появлялись, то пропадали, почти исчезая к тому времени, когда «Роза» добиралась до них.

– Он замедляется, – сказал, наконец, поезд и тоже сбавил ход. – Съезжает с линии. Делает отдельную ветку для себя...

Они проехали мимо Червя на медленной скорости. Он утратил радужный блеск, оставив беспокойное движение. Как будто он сгорел: черный холм, как остывшая лава. Где-то внутри него лежало мертвое тело Ворона – человека, который построил его и которому этот новый мир стал могилой.

Стук колес изменился.

– Дальше рельсы есть? – спросил Зен.

– Дай-ка посмотреть, – сказала «Дамасская роза». – И снова пора спросить самих себя: мы падаем? Ой, опять нет...

– Я имел в виду, *откуда* здесь рельсы?

Червь отстал, потерявшись в светлой дымке, висевшей над незнакомыми лагунами, но на экранах «Розы» рельсы все еще тянулись вперед, только уже не такие блестящие. Они бежали до самого горизонта, где стягивались перспективой, как наконечник стрелы.

– Эти рельсы были тут и раньше, – сказала Нова. – Червь сделал рывок, чтобы соединить новый шлюз с веткой, которая здесь уже имелась.

Громко хлопая сухими крыльями, с багажной полки сонно спрыгнуло большое насекомое и принялось колотить по стеклу перед лицом Зена, словно желая выбраться наружу и исследовать новый мир. Монаший жук. Зен вздрогнул. У него бывали трудные времена, и самые худшие оказались связаны с этими насекомыми. Когда их собирается достаточное количество, они образуют разумный рой, и один из таких роев напал на него в Дездеморе. Должно быть, этот жук выжил после того случая. Лишившись разума без миллиона своих друзей, он по ошибке попал на поезд.

¹ Квазар – класс астрономических объектов, являющихся одними из самых ярких в видимой Вселенной.

Нова осторожно поймала его меж сложенных ладоней. Зен подумал, что она его прихлопнет, но та ответила:

– Это подлю. Бедняжка. Можно выпустить его, когда найдем подходящее место...

Поэтому он пошел искать коробку, чтобы положить туда жучка.

Ворон подготовил три вагона поезда. Зен и Нова еще не успели их изучить. Первым был старый ведущий вагон со спальней и ванной комнатой на верхней платформе, жилыми помещениями внизу и небольшим медпунктом в задней части. В середине шел вагон-буфет с морозильными камерами, набитыми едой. В заднем вагоне был целый склад вещей, которые, по мнению Ворона, должны были ему понадобиться: промышленный 3D-принтер, небольшой безбортовой грузовик с вездеходными шинами, два крытых отсека с запасными топливными элементами. Там был шкафчик, набитый скафандрами, и док, где заряжались фонарики и дроны-бабочки. Были стойки с ружьями, ледорубы, мотки веревок и коробки с другими припасами.

Одного взгляда на все это нагромождение вещей было достаточно, чтобы Зен ощутил теплое чувство от обладания всем этим. У него получилось, он стал богатым, как всегда мечтал. Теперь у него был *собственный поезд*.

Правда, не было никого, перед кем он мог бы им похвастать. Стражи, мудрые искусственные разумы, наблюдавшие за человечеством, не хотели открывать новый К-шлюз. Ради его открытия Ворон творил ужасные вещи, а Зен и Нова были его пешками. Они разбили поезд Императора, а сам Император был убит. Теперь они никогда не смогут вернуться в Империю Сети. Мать Зена, его сестра и люди, которых он называл друзьями, были потеряны для него так же, как если бы он умер. Проведя кончиками пальцев по гладкой поверхности шкафов Ворона из живой древесины, он ощутил первый острый приступ тоски по дому.

Он вытряхнул из пластиковой коробки несколько пакетов с аварийными рационами Железнодорожных войск и вернулся с ними в служебный вагон. Нова стояла там же, где он ее оставил. Пойманный в ловушку жук дребезжал и шуршал крыльями в ее сложенных ладонях. Она склонила голову набок.

– В чем дело? – спросил Зен.

– В голосах, – сказала она. – Где-то около семидесяти пяти килогерц. Очень примитивные радиосигналы. Я думаю, что это голоса.

Тут вмешалась «Дамасская роза»:

– Я тоже их слышу. И, кажется, впереди есть станция...

Она открыла голографический экран и показала им вид с передней камеры корпуса. Среди зеркальных лагун поднимался невысокий холм. Железнодорожная линия тянулась к нему, и Зен видел, что там сходятся и другие ветки, извиваясь по низким насыпям вдоль воды. Одна из них пересекала длинный белый мост, похожий на рыбий скелет. По краям холма виднелось еще что-то белое – возможно, деревья или здания. А на вершине вырисовывались более крупные строения, сверкавшие странными гранями.

– Ворон был прав, – тихо сказала Нова. Слово «был» в отношении Ворона казалось ей более странным, чем все, что могло встретиться им в этом мире. У моториков не бывает родителей, но она считала, что относится к Ворону так, как человек относится к родному отцу, если этот отец умен, скрытен и довольно опасен. Она не то чтобы любила Ворона, но не представляла, что однажды его переживет. Ей хотелось, чтобы он все это увидел.

Насекомое нетерпеливо трепыхалось между ее пальцами. Зен протянул коробку и постарался не смотреть, как она запикивает жучка внутрь, закрывая крышку. Это навело его на неприятную мысль о приближавшейся станции. Станционные Ангелы, эти таинственные фигуры из света, которые иногда появлялись у К-шлюзов дома и рассказывали Ворону, как открыть новый шлюз, сами были немного похожи на насекомых: гигантские фигуры богомол, сотканные из света. Возможно, они будут ждать их здесь, чтобы поприветствовать «Дамасскую

розу». Но Ворон говорил, это всего лишь проекции, так что вдруг настоящие Станционные Ангелы – и в самом деле гигантские жуки? Насекомые высотой с гимнастический снаряд?

Нова уже убрала коробку с жучком в карман куртки. Теперь она стояла у окна и смотрела на улицу. Зен встал рядом. Она не сводила глаз с пронесившихся мимо пейзажей, но ее рука нашла руку Зена, и он переплел их пальцы. Тогда, в те отчаянные часы, когда новый шлюз еще не открылся, он сказал, что любит ее, и они поцеловались. Теперь он не знал, что думать по этому поводу. Это странно – хотеть поцеловать моторика. Наверное, для моториков так же странно хотеть поцеловать человека, и он спрашивал себя, захочет ли она сделать это снова. Он всегда скрывал эмоции, даже от самого себя. Там, где Зен раньше жил, было не принято показывать, будто ты что-то ценишь, потому что другие люди могли это с тебя снять или разбить, или просто избить за такое. Он почти боялся своих чувств к Нове. Но очень радовался, что она рядом.

За окном он видел бледные веретенообразные деревья с пластинчатыми листьями, трепещущими на ветру, а между ними эти... здания? Люди? Здесь все, кроме деревьев, было незнакомо Зену. А потом задвигалось что-то длинное...

– Это что, поезд?

– Это Червь, – сказала Нова.

– Не совсем, – поправила «Дамасская роза». – Он меньше и проще.

На вид он был такой же недостроенный, недорощенный, как Червь Ворона. Сквозь серебристую раковину, торчали длинные гребни, раскачиваясь взад и вперед, будто щупали воздух. По бокам виднелись узоры, похожие на отметины на раковинах каури², а под ними – роговая пластина, которая выглядела привинченной к металлическим колесам. Он тащил за собой вереницу повозок. Когда Нова приоткрыла окно, они услышали глубокий, нестройный, дрожащий зов.

– Песня поезда? – спросил Зен.

– Если и так, – фыркнула «Роза», – то она не очень хороша.

Но «Роза» ответила собственным сигналом, и инопланетный поезд замедлил ход, чтобы дать ей возможность обогнать себя. Она остановилась у места, которое могло быть только станционной платформой, по-видимому, сделанной из сплошной плиты древнего стекла. На покрытой инеем поверхности собрались существа этого мира и с любопытством разглядывали «Дамасскую розу». Их голоса лились через окно, они пронзительно кричали и улюлюкали, словно стая птиц в джунглях на рассвете. Нова нахмурилась и включила программу перевода.

– Кто-то треплется со мной через очень непонятный канал, – чопорно объявила «Дамасская роза». – Понятия не имею, чего они хотят.

– Я думаю, мы влезли в их расписание, – нервно заметил Зен. – Если они ждали следующего поезда на Планету Икс, то, наверно, недовольны тем, что вместо него появились мы.

Платформа быстро заполнялась. Никто там не напоминал людей хотя бы отдаленно, а разнообразие существ было такое дикое, что Зен понимал, что, видимо, смотрит на обитателей дюжины миров, а не одного. Среди них было много трехногих антилоп в одеждах цвета индиго и черных стеклянных масках, а еще какие-то прозрачные гигантские тритоны, чьи внутренние органы трепыхались и пульсировали в туманном теле. К передней части платформы пробрался кальмар, который каким-то образом научился ходить по земле и стал трогать щупальцами окна «Розы». Если бы Зен не держал Нову за руку, то подумал бы, что он оказался в кошмаре.

Но Нова просто повернулась к нему, улыбнулась и сказала:

– Ну, идем! Давай представимся.

И прежде, чем он успел попросить ее подождать или сбегать в последний вагон за ружьем Ворона на случай, если эти сбившиеся в кучу существа попытаются его съесть, она открыла

² Род морских брюхоногих моллюсков.

двери, и они вышли, так же держась за руки, навстречу шуму, запаху и свету инопланетной станции.

Глава 2

Толпа существ слегка отступила назад, словно пораженная странной внешностью путешественников. И тут штуки, которые Зен принял за старые выцветшие палатки, внезапно ожили. Это были те же самые существа, стада которых он видел в лагунах, только не понимал, что это такое. Они столпились вокруг него, звеня и дребезжа, трясая тонкими, как бумага, кусками кожи, натянутыми между тощими конечностями. Они подняли щупальца как у морской звезды, чтобы потрогать его одежду и лицо. Он отпрянул, раздумывая, стоит ли их бояться. Зен чувствовал себя ребенком, которому все было в новинку. Но даже у ребенка есть инстинкты, а инстинкты Зена здесь были бесполезны. Существа-палатки нападали на него или просто проявляли дружелюбие? Он задумался, что сделать: поклониться, улыбнуться или сказать: «Мы пришли с миром»? Но если у них самих нет ртов, то как они поймут улыбку? Поклон мог оказаться смертельным оскорблением, а слова могли звучать не понятней простого шума.

Потом Нова открыла рот, и из него полилось то же самое жужжание и грохот, которое издавали «палатки».

Пришельцы замерли, дрожа, то сжимая, то разжимая маленькие ручки. Темные глазпята, которые семенами лежали в наружных слоях кожи, скользнули и сфокусировались на ней. Толпа притихла, прислушиваясь. Нова повернулась, издавая улюлюканье и ржание, чем, похоже, обрадовала трехногих антилоп: те подняли треугольные головы, под их масками замерцали тусклые огни.

Она быстро взглянула на Зена и улыбнулась, довольная собой:

– Они говорят, что рады нам.

– Как ты это сделала?

Она постучала себя по голове:

– Программа для расшифровки. Уже начинаю переводить некоторые простые фразы. Я записала их звуки, так что могу им отвечать.

Антилопы ухали и ржали, опустив головы.

– Они говорят: «Добро пожаловать в... Йаарм». Так называется это место: Йаарм в Драгоценном саду. Прекрасно! Они рады встрече с нами. Говорят, что новые расы давно не попадали в Паутину миров.

Разговор продолжился. Голоса прозрачных тритонов были похожи на звук пускания газов в ванне. Существа со щупальцами использовали сложный язык жестов, и когда Нова попыталась заговорить с ними, размахивая обеими руками и ногой, они начали переливаться маслянистыми радужными красками, что, как догадался Зен, означало смех. Иногда она посылала сообщения ему на гарнитуру, объясняя, что ей только что сказали:

– Похоже, Паутина миров очень велика – тут тысячи станций... Они называют живые локомотивы морвами...

Но в основном она была слишком занята, пытаясь не отставать от разговора, редактируя и воспроизводя собственные ответы.

Зен начал чувствовать себя покинутым. Нова была намного умнее его. Испуганный всеми этими странными существами, он смотрел мимо них, на здания вокзала. За платформой возвышалось одно из больших строений, которые он заметил с поезда. Оно сделано из того же стеклоподобного материала, что и сама платформа, и было таким же древним и каким-то заброшенным на вид. По поверхности бежали трещины и разломы, все заросло ползучим сорняком. Тени удлинились, инопланетные солнца опускались к горизонту. Там, где тень углублялась, моргала призрачным светом лиана, словно все ее листья и стебли были сделаны из стекла, как полые трубки, наполненные летним роем светлячков. Сквозь блестящие ростки Зен мог разглядеть узор на стенах...

– Странно, – произнесла Нова.

– Что такое?

– Я сказала им, что мы вышли встретиться со Станционными Ангелами, но они, похоже, меня не понимают. В смысле, я знаю, что здесь их, скорее всего, называют не Станционными Ангелами, а как-то иначе, но ведь они должны узнать по описанию: гигантские насекомые из света. Вряд ли можно не заметить подобное.

Она попыталась подражать движению Ангелов, но от этого кальмары еще чаще запульсировали яркими красками.

Значит, Зену все-таки было что добавить к разговору.

– Скажи, что имеешь в виду это, – произнес он, указывая на резную стену.

Похоже, большинство инопланетян знало, что означал такой жест, и все головы в конце концов повернулись посмотреть. Он осторожно пробрался сквозь толпу и отодвинул светившуюся лиану в сторону, чтобы узор стало лучше видно. Станционные Ангелы, плоские, как нарисованные на гробницах фараоны. Они указывали своими богомольными конечностями на стилизованные солнца и стертые линии, которые могли быть буквами. По толпе на платформе пробежал гул.

– Творцы рельсов, – сказала Нова, подходя ближе к Зену, пока антилопы, «палатки» и прозрачные существа что-то объясняли на разных языках. – Тут их зовут «Творцами рельсов». Но они говорят, что мы опоздали. Творцы рельсов ушли, давно ушли.

– Как же они тогда нас позвали? Проекция, посланная через К-шлюз, с которыми танцевал Ворон...

– Думаю, это были записанные сообщения, – ответила Нова. – Творцы рельсов открыли шлюзы, проложили рельсы и возвели здесь эти здания, но потом пропали, исчезли – был какой-то «Блэкаут», темный век, насколько я поняла. Теперь молодые расы для торговли пользуются Паутиной миров. Но по какой-то причине проекции творцов рельсов до сих пор работают, до сих пор зовут и зовут... О, Зен.

Вид у нее был печальный, но Старлинг почувствовал облегчение. Ангелы, или Творцы рельсов, или как их там еще называли, были не просто гигантскими насекомыми, что само по себе уже плохо. Скорее всего, они обладали невероятной силой, достаточной для постройки железной дороги, которая охватила бы всю галактику. Они могли бы стать Стражами, подобными богам. Но эти молодые расы казались не более развитыми, чем люди, а может даже менее.

– Скажи им, что мы пришли исследовать эту их Паутину, – решил он. – Скажи, Империя Сети просит, чтобы никто не проходил через наш К-шлюз, пока мы не посетим их миры, не встретимся с лидерами и не покажем то, чем торгуем. Скажи, что я – посол людей и пришел посмотреть, стоит ли нашей Империи открывать торговые связи с их мирами.

Нова нахмурилась:

– Но это же ложь. Мы не сможем вернуться домой. Стражи и семья Зенитов убьют нас.

– Знаю. Вот почему нам надо убраться подальше от шлюза, в эту Паутину миров – на случай, если они решат послать что-нибудь за нами. И не все из этого ложь: мы *будем* торговать. В третьем вагоне «Розы» полно вещей Ворона, и все они уникальны. А уникальность – это ценность.

Нова рассмеялась. Она беспокоилась о Зене. Было приятно видеть, что он до сих пор способен на махинации.

– Но однажды придется признать, что мы не можем вернуться.

– К тому времени мы будем уже далеко.

Нова задумалась на микросекунду, затем повернулась и что-то сказала толпе. Им, похоже, это понравилось. Они понимали, почему люди хотят посмотреть на Паутину до открытия торговли. Сами герастеки (кажется, так называются эти «антилопы») держали ворота в свои родные миры закрытыми долгие годы после того, как впервые вступили в контакт. Будет воздвиг-

нут барьер, чтобы ни один поезд не мог попасть в мир людей без разрешения. И они будут желанными гостями на всех станциях Паутины: у герастеков, дигов, чмойи...

Нова нащупала в кармане коробочку. Монаший жук, похоже, соткал там кокон. Сквозь шелковистые пряди она могла рассмотреть лишь темную сигарообразную форму его тела. Нова подняла его, чтобы спросить, можно ли выпустить такое насекомое в Йаарме, но некоторые из герастеков неправильно ее поняли и подумали, что она пытается его продать. Да, да, они купят! Сами по себе они не нуждались в насекомых, но иногда торговали с ними, а те любили насекомых, или ели насекомых, или собирали насекомых, а может, сами были насекомыми (переводческая программа Новы еще не научилась справляться со всеми интонациями языка, основанного на ржании). Она отдала им коробку с жуком, а они взамен дали ей три маленьких металлических стержня. Нова совершила свою первую сделку в Паутине миров.

После этого новичков повели на экскурсию по станционному городу. Оба маленьких солнца уже сели, но стало ненамного темнее. Зен никогда не видел такой россыпи звезд, настолько ярких вееров светящегося газа: эти перья, вихри и занавесы заполняли ночное небо, скрывая в своих складках сияющие сквозь них звезды.

– Драгоценный сад! – воскликнула Нова, глядя сначала на него, а потом вниз, на звездные поля, отражавшиеся в неподвижных лагунах. – Этот мир, должно быть, находится в самом сердце туманности. Как красиво!

У каждого предмета было семь теней от семи ярчайших звезд. В их странном свете это место казалось еще более сказочным. Мимо проплыл червяк с синим мехом, таща за собой на серебряной цепи какую-то птицу, и Зен не смог определить, кто из них питомец, а кто – хозяин. Размашистые листья тихо шелестели на ночном ветру. Здесь были продуктовые лавки, от которых пахло химическими заводами, и паровые мастерские, чей дым отдавал арахисовым соусом. Были вещи настолько далекие от привычных критериев, что мозг отказывался воспринимать их, и взгляд просто недоуменно проскальзывал мимо. А еще были вещи, которые казались поразительно знакомыми, например, ювелирный киоск, где пара герастеков в стеклянных масках продавала изящные спирали из серебра и нефрита, предназначенные для украшения конусообразных рогов антилоп их вида.

Зен на мгновение задержался, изучая витрину воровским взглядом. Он был почти уверен, что сумеет незаметно для ювелиров спрятать одно из колец в рукаве. Возможно, в этом уголке галактики даже не знали, что такое воровство.

Но украшение было ему не нужно, и, в любом случае, Нова поняла, что он задумал (когда она впервые увидела Зена, он украл ожерелье из ювелирного ларька на Амберсайском Базаре).

Она сжала его руку и повела вперед:

– Никаких проделок, Зен Старлинг. Теперь на тебе лежит ответственность. Ты – Посол Человечества. Мы должны вести себя наилучшим образом, раз мы представляем весь наш вид.

– Неужели эти существа не понимают, что ты – моторик?

– Я думаю, они считают, что мы – человеческие самец и самка, – радостно ответила Нова. Она всегда радовалась, когда кто-то принимал ее за человека. – У них здесь не так уж много роботов. Я еще не видела тут ничего более продвинутого, чем технологии Древней Земли, за исключением биопоездов, и мне кажется, что их рожают, а не строят.

– Так ты собираешься рассказать им, кто ты на самом деле?

– Нет, – ответила Нова. – Так же как не скажу им, что ты вор. Это новые миры, Зен. Нам больше не обязательно быть теми, кем мы были. Мы можем стать, кем захотим. Мы оба можем быть людьми.

В ту ночь с лагун дул теплый ветер, что-то нашептывая «Дамасской розе», пока та отдыхала на распутье у кромки воды. Ветер шевельнул занавеску на окне спального отсека, приподнял ее и бросил, пролив свет всех безымянных звезд на кровать, где Нова лежала, обнимая Зена. Если бы он повернул голову, то увидел бы звездные сады, сияющие в небе и воде, но

он не мог отвести взгляда от ее лица. Свет тысячи солнц, и нынешних и еще не рожденных, касался ее широкого рта и сиял в том, что служило ей глазами. Тень от занавески скользнула по ее почти человеческой коже, по нарисованным веснушкам. У него кружилась голова от тоски по дому и шока, а впереди их ждала тысяча странных станций, но он каким-то образом знал, что с ним все будет в порядке, пока у него есть Нова.

Часть 2. Девочка-ледышка

Глава 3

Самое худшее в замерзании – это снова оттаять. Она проснулась от размытого света подводного аквариума в ужасном замешательстве, плавающая в похожей на гроб ванне, в густой холодной жидкости. Это вещество было не только вокруг нее, но и в ней, заполняло легкие и горло. Ей следовало бы привыкнуть к такому, она же рецидивистка и уже трижды становилась девочкой-ледышкой, но она, как обычно, запаниковала. Выбираясь на поверхность сквозь еще мерзлую слякоть, она плевалась водой и задыхалась, пока разбудившие ее проводные куклы не схватили за руки и за ноги, вытаскивая из морозилки на холодный пол.

Потом она дрожала под теплым душем, а остатки криогенного геля стекали вниз через решетку между плитками цвета старческих зубов. Отклеивала сенсорные датчики. Пялилась на свое лицо в небьющемся зеркале над металлической раковиной. Смуглая кожа, со все еще морозной синевой вокруг губ. Ее звали Чандни Ханса. Она была бы очень хорошенькой, если бы ей не обрили голову и ее глаза не выглядели бы так, как сейчас.

Она вытерлась обветшалым тюремным полотенцем, надела свежее белье и бумажный тюремный халат. Затем прошла по красной линии на полу в следующее помещение и стала ждать, пока другая проводная кукла не принесет пластиковый пакет с одеждой, которая была на ней, когда ее арестовали. Одежда была хорошая: курта³ из интерактивной ткани, шикарные брюки и пара маленьких серебряных сандалий. Она купила их на последние деньги, украденные у богатого парня по имени Таллис Зенит.

«Беда в том, – подумала она, натягивая брюки, – что теперь все эти вещи вышли из моды». С похода по магазинам, который, как ей казалось, был несколько дней назад, как раз перед тем, как ее поймали синие мундиры, на самом деле прошло уже десять лет. Возможно, это было частью наказания. Ты отсидел свой срок, а потом снова оказался на улице в одежде десятилетней давности. Чтобы всем стало ясно: ты только что вышел из морозильной камеры, а значит, не сможешь найти работу и все такое и очень скоро сделаешь что-то, чем заработаешь еще один срок и снова превратишься в эскимо. Чандни уже в третий раз становилась ледышкой – или в четвертый?

Еще она украла у Таллиса Зенита гарнитуру и деньги, но их ей не вернули. То была красивая гарнитура, изящная бронзовая штучка, похожая на стебель растения, с крохотными цветочными видео- и аудиотерминалами, которые прижимались к виску и за ухом. Чандни догадалась, что они вернули ее Таллису, как будто ему не хватало денег на новую. Ей выдали другую, громоздкую, одноразовую, в пластиковом конверте. Надев ее, она получила строго ограниченный доступ к Морю данных и много полезных советов о том, как снова влиться в общество. Кажется, гарнитура была сломана: показывала дату, судя по которой с тех пор, как ее положили в морозилку, прошло всего шесть месяцев. Она попробовала зайти на несколько базовых сайтов Моря данных, которые ей разрешалось посмотреть, но везде отображалась та же дата.

Это вселило в нее надежду и слегка насторожило. Если она действительно пробыла во льду всего полгода, то это было не так уж плохо. Может, ее одежда даже до сих пор в моде. Возможно, еще есть шанс связаться с кем-нибудь из тех, кого она знала, а не как раньше. Но

³ Курта – традиционная одежда в Пакистане, Афганистане, Таджикистане, Бангладеш, Индии, Непале и Шри-Ланке. Свободная рубашка, доходящая до района колен владельца, которую носят как мужчины, так и женщины.

она никогда не слышала, чтобы кому-нибудь срезали срок заморозки (за что, за хорошее поведение?). Так что, вероятно, произошла ошибка.

Может быть, ее выпустили вместо какой-нибудь другой несчастной ледышки. Она решила молчать об этом, пока шла по красной линии к последнему помещению. Там были настоящие окна: через них лился солнечный свет. По виадуку, который изгибался над холодной тюрьмой, ехал поезд. Ее ждала настоящая женщина, хоть она и проявляла к Чандни не больше интереса, чем к проводным куклам.

Незнакомка надела ей на запястье браслет-маячок и сказала:

– Твоя сестра тебя ждет.

– Моя кто?

Женщина указала на стеклянные двери, ведущие в устланную ковром приемную. Там стояла еще одна женщина, ее лицо было скрыто прядью черных волос; она наклонилась вперед, чтобы рассмотреть один из плакатов на стене.

– Твоя сестра. Она проделала путь от Центральной станции, чтобы забрать тебя. Вам разрешено вернуться туда вместе. Советую оставаться там. Нам на Каравине не нужны такие, как ты.

Интересно выходило – Чандни знала наверняка, что у нее не было никакой сестры. Так что, скорее всего, девушка, ожидавшая в вестибюле, была сестрой другого заключенного, которого следовало разморозить вместо Чандни. И уж тем более она заметит ошибку, как только увидит Чандни, и Чандни уволочут обратно и заморозят в гелевой ванне еще на девять лет и шесть месяцев – перспектива, которая вдруг показалась ей настолько пугающей, что она задрожала, чуть не заплавав, как маленькая девочка.

Но сдержалась.

– Ладно, – сказала она и направилась к дверям приемной, говоря себе, что возникнет минутное замешательство, когда эта дама увидит, что они разморозили не того человека, и в этот момент Чандни воспользуется шансом и сбежит. От холода у нее подкашивались ноги, но если она доберется до К-трассы, то, может быть, сумеет сесть на поезд, который любезно доставит ее на другую планету.

Двери разъехались. Женщина в холле обернулась. Она была старше нее и совершенно ей незнакома. Но при виде Чандни ее простое желтоватое лицо вдруг расплылось в очаровательной улыбке.

– Чандни! – воскликнула она слишком громко и подошла, чтобы заключить ее в первые настоящие объятия с тех пор, как Чандни была ребенком.

– Что ж, это странно, – сказала Чандни, уткнувшись в воротник пальто из искусственного меха своей ненастоящей сестры.

– Мне *так* много надо тебе рассказать, сестренка, – по-прежнему деланно громко сказала незнакомка, хватая Чандни за руку и едва ли не силком вытаскивая наружу, в туманный солнечный свет. – Я все объясню, как только мы сядем в поезд. Идем! Если поторопимся, то успеем на рейс двадцать шесть тридцать два...

Поезд 26.32 до Центральной станции ждал на платформе: большой локомотив «Нгуэн-60» с вереницей двухэтажных серебристых вагонов. Увидев его, Чандни начала расслабляться. Она любила поезда. Как бы странно ни было выходить из тюрьмы-морозилки, как бы много всего ни менялось за время заморозки, поезда всегда были на месте, терпеливо прокладывая путь через К-шлюзы из мира в мир. С поездами ты всегда знал, где находишься. Кроме того, в них было много людей, так что даже если странная женщина, которая забирает тебя из холодильника, притворившись давно потерянной сестрой, окажется ненормальной и решит тебя убить, а из твоей кожи нашить чехлов на подушки, то путешествие на поезде предоставит много шансов сбежать.

К удивлению Чандни, у женщины были билеты первого класса, которые никак не соответствовали ее дешевому пальто. Она подвела ее к переднему вагону и провела в шикарное отдельное купе. Когда двери мягко закрылись, она сняла пальто. Под ним оказалась черная одежда, которая выглядела одновременно очень просто и очень дорого, отчего собственные вещи показались Чандни слишком броскими.

– Меня зовут Кала Танака, – сказала женщина. – Я работаю на семью Зенитов.

– Ты имеешь в виду тех людей, которые заморозили меня на десять лет из-за того, что их сын сказал, будто я присвоила его деньги на карманные расходы? – спросила Чандни.

– Зениты – это семейная корпорация, – терпеливо объяснила Кала Танака. – Поэтому у них много ответвлений, много разных интересов...

– Мне не нужен исторический экскурс в историю семьи Зенитов.

– Именно, что нужен, – ответила Кала Танака. – Присядь.

Она сказала это тихо, но так твердо, что Чандни замолчала и села. Как только она опустилась на мягкие подушки сиденья, поезд тронулся.

– Меня зовут *L'Esprit de l'Escalier*⁴, – произнес он через динамики, установленные на черепашьем потолке. – Я буду оповещать вас о подъезде к Пршедвёсне, Глорiette, Бухте Бхозе и Центральной станции...

– Тебе действительно не помешал бы экскурс в историю, – сказала Кала Танака. – В этот раз ты пробыла в морозилке всего полгода, но многое изменилось.

Она показала за окно, где здания маленького станционного городка Каравины скользили мимо, набирая скорость. Как и во всех городах-станциях, которые Чандни когда-либо видела, здесь нашлось место для голографического портрета Императора высотой с пару домов. Вот только по какой-то причине это был не Император. На нем была изображена молодая женщина примерно того же возраста, что и Чандни, с синими волосами и обычным лицом.

– Через несколько дней после того, как тебя заморозили, – сказала Кала Танака, – на Веретенном мосту произошло крушение поезда. Император Магалаксмий был убит. Велись споры о том, кто станет его преемником, но в конце концов Железнодорожные войска решили поддержать его младшую дочь, Треноди Зенит. Она – новая Императрица Великой Сети и та, на кого я работаю. И именно она устроила так, чтобы тебя раньше выпустили из морозилки, но если ты кому-нибудь об этом расскажешь, то доказательств не будет, а мы все будем отрицать. Императрица желает поговорить с тобой и хочет сделать это совершенно конфиденциально. Ты понимаешь, что это значит?

– Я не дура, – сказала Чандни. – Это значит тайно.

Кала Танака улыбнулась ей:

– Хорошо. Я рада, что ты не дура. Путь до Центральной станции неблизкий и, возможно, скучный, но, кажется, мы отлично поладим. Ты уже проголодалась? Я закажу нам что-нибудь из вагона-ресторана, но есть, думаю, мы будем здесь. Лучше, если тебя увидит как можно меньше людей.

К тому времени они уже были за городом. Мимо проплывали знаменитые паровые озера Каравины, а следом – горы. Поезд набирал скорость, направляясь к К-шлюзу, который должен был доставить его к Пршедвёсне, находившейся в тридцати тысячах световых лет отсюда.

Чандни подумала о еде и решила, что ей нравится эта мысль. Но она по-прежнему ничего не понимала.

– О чем хочет поговорить со мной эта новая Императрица? – спросила девушка.

– Думаю, она сама тебе расскажет, – ответила Кала Танака.

⁴ «Дух лестницы» (фр.)

Глава 4

В центре Сети располагалась планета под названием Центральная станция, узловой мир-хаб, чьи К-шлюзы давали доступ ко всем основным железнодорожным линиям галактики. Там вырос огромный город: зеленый, больше напоминавший прекрасно ухоженный лес с высокими зданиями, возвышавшимися тут и там над деревьями. Широкая река, усеянная парусами прогулочных катеров, вилась к океану. Вдоль ее берегов располагались несколько самых крупных зданий Империи: Управление расписанием К-трассы, башня Железнодорожных войск, пирамиды, в которых находились святыни Стражей. На холмах к северу, там, где начиналась река, стоял Императорский дворец, самое крупное здание из всех.

Официально он назывался Дурга, но это слово просто означало крепость или твердыню, или что-то еще на одном из древних земных языков, и такое название не очень ему подходило. Вероятно, тысячу лет назад его начинали строить как крепость, но после стольких поколений мирной жизни он стал явно напоминать дворец. Его возвели на гранитной горе с плоской вершиной. Первые люди, прибывшие на Центральную станцию еще до того, как та обрела нормальную атмосферу, обосновались в здешних пещерах. Позже, когда все утряслось, они начали строительство по бокам и сверху, расширяя его вверх шпилями из биотехнического слонового бивня и специально выращенной кости. Широкие платформы выдавались вперед, усаженные искусными садами. На одной из самых высоких сидела сама Императрица, глядя на свои земли.

Никто никогда не предполагал, что Треноди Зенит станет Императрицей. Брак ее матери с покойным Императором был лишь временным, призванным скрепить некий деловой контракт между семьей матери и домом Зенитов. Треноди росла, зная, что наследницей трона будет ее сводная сестра Прийя, которой было суждено править еще до рождения и которой семейные генетики гарантировали, что она будет выглядеть именно так, как выглядела сейчас: блестящая, изысканная Прийя, будущая Императрица. Но, так или иначе, в суматохе, последовавшей за смертью отца, Прийя не смогла убедить железнодорожного маршала Лиссу Делиус, что будет хорошим правителем. Поскольку Лисса Делиус командовала Железнодорожными войсками со всеми их отрядами и боевыми машинами, к ее мнению, как правилу, прислушивались, и она решила, что предпочла бы видеть, как рельсами правит Треноди. Прийя исчезла, а Треноди заняла ее место на троне-платформе Империи.

Даже сейчас, спустя полгода после коронации, она до сих пор не могла прийти в себя от странности происходящего. Приходилось посещать так много балов и приемов, повсюду мелькало столько приезжих первых лиц, которые должны были засвидетельствовать ей свое почтение, так много официальных портретов, для которых нужно было позировать, и новой одежды, которую приходилось подгонять по размеру. Вот почему, когда выдавалась возможность, она любила убегать от своих фрейлин, парикмахеров, визажистов, стратегов социальных сетей и охранников и подниматься сюда, в самый заросший и наименее модный из многочисленных дворцовых садов.

Формально она все равно была не одна – облако дронов личной охраны, замаскированных под колибри, постоянно парило вокруг, в то время как более крупные механизмы курсировали над садом, готовые нанести предупредительный лазерный удар по любому дрону-папарацци, который попытается сфотографировать ее для сайтов сплетен. Но она *чувствовала* уединение, это и было важно. Дома, на Малапете, она проводила в одиночестве целые дни, прогуливаясь по черному песчаному пляжу под домом, пока мать работала над картинами айсбергов, выброшенных на берег течением. Тогда одиночество ей надоедало, она страстно желала, чтобы с ней что-нибудь случилось. И вот оно случилось. Теперь тихие минуты в высоком саду были одними из немногих вещей, которые поддерживали ее ум в здравии.

Поэтому она сначала разозлилась, когда Кала Танака передала ей на гарнитуру сообщение, что уже поднимается. Но потом гнев пропал, потому что Кала добавила: «Я веду девочку».

Кала Танака была еще одной причиной сохранять рассудок. Все считали, что жить во дворце и каждый вечер ходить на званые обеды и балы – это так чудесно! Остальные члены ее многочисленной семьи завидовали Треноди, жалея, что Лисса Делиус не выбрала на эту должность их. Только ее дядя Нилеш, казалось, понимал, что новой Императрице может быть страшно и одиноко. Он был любимым дядюшкой Треноди – мягкий, ленивый, абсолютно не честолюбивый человек, который, похоже, вполне довольствовался должностью начальника станции на маленькой туристической луне Кхурсанди.

– И даже это было бы для меня слишком, – сказал он Треноди на ее коронационном балу, – не будь у меня помощника, который заботится обо мне. Возьми ее на некоторое время. Кала со мной уже много лет, а Кхурсанди ей не совсем по вкусу. Думаю, ей понравится во дворце.

Кала Танака приехала с ним на Центральную станцию и осталась там после его отъезда. Она была проста, добра, умна и чрезвычайно расторопна. Еще она не боялась сказать самым высокопоставленным членам семьи, чтобы они оставили Треноди в покое, когда считала, что Императрица слишком устала выслушивать их новые планы и предложения. Она могла перечить даже маршалу Делиус, когда график официальных обязанностей становился слишком напряженным. Кала была из тех людей, которые в напряженный день могут выкроить Императрице время для прогулки по саду. Кроме того, ее можно было тайно посылать в Каравину, чтобы организовать досрочное освобождение мелких преступников из морозилок.

Треноди немного нервничала, глядя, как Кала и девушка идут к ней по заросшим тропинкам. У нее не было достаточно опыта общения с людьми низшего класса, за исключением того, что она вежливо улыбалась им из смотрового вагона имперского поезда, пока те стояли на станционной платформе и махали ей маленькими флажками. Она знала хорошо только одного подобного человека, и то не слишком удачно. Эта девушка, Чандни Ханса, невысокая и жилистая, выглядела довольно устрашающе. Кала заставила ее надеть платок, чтобы скрыть бритую голову, но одежда вызвала тревогу: вся из интерактивной ткани и искусственных алмазов, такие вещи можно было увидеть... В общем, Треноди не знала, куда нужно попасть, чтобы увидеть такую одежду. И хоть лицо Чандни казалось красивым, оно теряло свою прелесть, когда та на тебя смотрела. Глаза казались старыми для ее возраста: в них были горечь и подозрение.

– Поклонись, – сказала Кала Танака, кланяясь сама, и девушка угрюмо кивнула, глядя на Треноди.

В ответ Треноди слегка наклонила голову и сказала:

– Добро пожаловать на Центральную станцию, мисс Ханса. Надеюсь, твое путешествие было комфортным?

– Было бы еще комфортнее, если бы мне сказали, зачем я здесь, – ответила Чандни Ханса, бросив быстрый острый взгляд на Калу Танаку. – Я ничего не сделала.

Облако дронов Треноди почувствовало враждебность в голосе девушки и заняло оборонительную позицию. Треноди напомнила себе, что она – Императрица Сети и не должна бояться таких людей, как Чандни Ханса.

– Но это же неправда, не так ли? – спросила она. – Полгода назад ты подружилась с молодым человеком по имени Таллис Зенит, с которым познакомилась в поезде в Пршедвёсне. Ты взяла его с собой в Каравину и там ограбила.

Чандни Ханса смотрела мимо нее, на голубые парковые насаждения за дворцом, откуда доносились крики генетически модифицированных динозавров.

– Все в порядке, – сказала Треноди. – Я познакомилась с Таллисом Зенитом на своей коронации. Он очень скучный и, наверное, заслужил, чтобы его ограбили. Ты, вероятно, пре-

подала ему ценный урок. С его стороны было неправильно требовать, чтобы тебя заморозили за такое незначительное преступление.

Чандни Ханса снова посмотрела на нее. Она не привыкла, чтобы люди высокого статуса разговаривали с ней вот так, и никому не доверяла.

– Поэтому ты меня выпустила?

– Отчасти, – сказала Треноди.

Неподалеку стояла каменная скамья с видом на шахматный сад: лужайка из шахматных клеток с топиарными шахматными фигурами, вырезанными из тиса. Тис был скрещен с ДНК ракообразных, и фигуры медленно двигались взад и вперед на своих крабоподобных корнях, старательно играя партию. Треноди села на скамью и жестом пригласила Чандни присоединиться. Чандни оглянулась на Калу Танаку, словно подозревая подвох. Затем неохотно села.

– Пока ты была на Каравине с Таллисом Зенитом, – сказала Треноди, – на борт поезда Зенитов поднялся молодой человек. Он сказал, что его зовут Таллис Зенит, и был так похож на настоящего Таллиса, что мы ему поверили. Но он оказался самозванцем. Его реальное имя – Зен Старлинг. Он каким-то образом испортил поезд на Веретенном мосту, убив моего отца и многих других людей. Позже он появился на Сундарбане и причинил там еще больше неприятностей, прежде чем скрыться на старом поезде по заброшенной линии Большого Пса. И я так и не смогла выяснить, что это было и почему все так произошло. Настоящий, живой, дышащий интерфейс Стража Анаис-6 взял на себя ответственность за случившееся на Сундарбане и отправился вслед за Зеном Старлингом по нерабочей линии с офицером Железнодорожных войск по имени Малик, и с тех пор ничего не было слышно ни о ком из них. В Море данных об этом ничего не говорится, маршал Делиус утверждает, что ничего не знает, а Императрица теперь я – можно подумать, что я сумею узнать правду о чем-то подобном!

Ее голос становился все громче и громче, все злее и злее. Теперь боялась уже Чандни Ханса.

– Единственное, что удалось выяснить, – успокоила она себя, – так это то, что в тот момент, когда все случилось, настоящий Таллис Зенит был на Каравине, с девушкой, которую встретил в поезде и которая в итоге его ограбила. И мне показалось, что это слишком большое совпадение. Поэтому я решила привезти тебя сюда и спросить, связана ли ты с произошедшим. И я даже не стану наказывать тебя, если скажешь, что связана. Я просто хочу знать.

– Я ничего не знала о саботаже поезда Зенитов, – сказала Чандни Ханса.

– Значит, ты общалась с Таллисом Зенитом только потому, что он тебе понравился? – спросила Кала Танака, которая стояла на страже чуть поодаль, наблюдая за медленными движениями шахматных фигур.

Чандни с отвращением ответила:

– Понравился? Этот заносчивый мальчишка из Зенитов? Нет. Меня не интересуют парни. И девушками я тоже не интересуюсь, если вы что-то подумали. Один человек заплатил мне, чтобы я подружилась с Таллисом и отвезла его в Каравину, вот и все. Сказал продержаться там неделю, но через несколько дней он мне надоел, поэтому я украла его гарнитуру и деньги и уехала.

– Этот человек, который тебе заплатил, был Зеном Старлингом? – спросила Треноди.

– Никогда не слышала ни о каком Зене Старлинге, – сказала Чандни. – И он точно не был похож на Таллиса Зенита. Он был старый.

– Насколько старый?

– Трудно сказать. Старый и странный. Белый, с седыми волосами. И тощий. Как из передачи по истории, какой-нибудь герцог с Древней Земли. Сказал, что его зовут Ворон.

– Ты не знаешь, где я могу его найти?

Чандни покачала головой:

– Я видела его всего пару раз на Глорiette. В ту ночь, когда он заговорил со мной, мы столкнулись у старой станции, той, что заколочена досками...

– Возле линии Большого Пса? – уточнила Треноди.

– Да, – ответила Чандни. – Он сказал, что у него есть для меня работа. Сказал, что я могу запросто заработать тысячу и насолить семье Зенитов, а я была не против и того, и другого. И заплатил он вперед. Сказал, что, если я не сделаю так, как велено, он узнает об этом и найдет меня, но я не понимала, как, да и мне все равно не страшно. – Она пожала плечами. – Наверное, этот ваш Зен Старлинг тоже работал на него.

– Ты можешь еще что-нибудь рассказать мне об этом Вороне?

Чандни задумалась. Полгода в морозилке оставляют дыры в памяти.

– Он был один в тот вечер, когда нанял меня, но как-то раз я видела его с проводной куклой. Она выглядела очень забавно. Одета как настоящая девушка, с веснушками на лице, но это точно моторик.

– Нова, – кивнула Треноди.

– Я не слышала, чтобы он ее как-то называл. Они просто прошли мимо меня однажды ночью, и я подумала, что эта парочка – странная.

На шахматной доске красный ферзь сделал удивительно быстрый ход и приземлился на черную пешку, придавив к ее к земле, раздвигая своими крабьими когтями-когтями. Треноди хотелось бы вот так же разорвать и Зена Старлинга, и этого Ворона, и моторика по имени Нова. Эти трое всему виной, она была уверена. Но они сбежали, и разговор с Чандни Хансой не дал никаких ответов, лишь новые вопросы.

– Почему ты так хотела насолить Зенитам? – спросила она.

Чандни снова пожала плечами. Она удивилась тому, как много успела рассказать заносчивой маленькой Императрице. Ей захотелось поговорить еще. Она не видела ничего плохого в том, чтобы поболтать немного, пока ее не вышвырнули обратно на улицу.

– Дела моей семьи шли хорошо, – сказала она. – Отец был начальником станции в местечке под названием Узел Шелан, о котором вы, вероятно, никогда не слышали. Но Узел Шелан был миром Зенитов, и Император Зенит решил избавиться от отца, чтобы какой-то заносчивый бесполезный мальчишка-родственник получил его должность. После этого дела отца пошли под откос. Пока все не стало совсем плохо.

Треноди ее слова потрясли:

– Я уверена, что мой отец никогда бы не вышвырнул кого-нибудь с поста подобным образом!

– Не ваш отец, Императрица, – сказала Кала Танака. – Это был Император до него, ваш двоюродный дед. Он был известен своей коррумпированностью.

– Но Чандни Ханса не может быть такой взрослой, ее наверняка еще на свете не было, когда тот восседал на троне!

– В морозилке не стареешь, – с мрачной гордостью заметила Чандни Ханса. Она откинула платок, и Треноди увидела вытатуированные на ее голове тюремные штрих-коды.

– Чандни часто бывала в морозилках, – сказала Кала Танака.

– Первый срок был самым долгим – пятьдесят лет за то, что я сожгла виллу начальника станции в Узле Шелан. С тех пор так и пошло – пять лет за то, десять за это.

– Ей около девятнадцати лет, если считать реальную жизнь, но родилась она девяносто шесть лет назад.

Чандни снова пожала плечами – какое-то странное, навязчивое движение.

– После морозилки трудно вернуться к обычной жизни, – сообщила она. – Когда я вышла в первый раз, все изменилось, все, кого я знала, отошли в мир иной. Я даже говорить толком не могла: люди, которые использовали сленг моего времени, теперь были бабушками и дедуш-

ками. Так что я снова попала в передрагу, потому что это получается у меня лучше всего. После нескольких попыток становится даже легче, когда снова возвращаешься в морозилку.

На шахматной доске красный ферзь почти разделался с пешкой. Вырванные листья разлетелись по саду. Первое из солнц-близнецов Центральной станции утонуло в низко нависшей туче, которая тянулась вдоль горизонта. Чандни Ханса встала, и дроны Треноди сердито загудели, следя за ее движениями.

– Так что, мне выходить отсюда самой? – спросила она.

– Нет! – воскликнула Треноди. Она была не уверена в том, что делает, но не могла позволить этой потрепанной жизнью девушке вернуться в мир преступной жизни и снова попасть под лед. Она повернулась к Кале Танаке: – Как тебе удалось незаметно доставить ее во дворец?

– Если кто-нибудь спросит, – сказала Кала, – то узнает, что мисс Ханса – подруга подруги, которую вы рассматривали на место рабочей, Императрица. В качестве акта милосердия.

– Я не нуждаюсь в милосердии Зенитов! – сердито возразила Чандни.

– Тихо, – шикнула на нее Кала. – Ты не говорила так, когда я угощала тебя ужином в поезде.

– Тогда я предложу ей работу, – сказала Треноди тихо, но достаточно звучно, чтобы заставить обеих замолчать, и улыбнулась про себя.

Став Императрицей, она обзавелась придворными дамами: множеством дочерей дальних кузин из Зенитов и других малозначительных семейств, в чьи обязанности входило помогать ей одеваться и составлять компанию. Большинство из них были гораздо шикарнее и обладали лучшими манерами, чем Треноди. Они пугали и раздражали ее, но Треноди была уверена, что Чандни Ханса справится с ними, а Кала Танака справится с Чандни Хансой.

– Чандни будет моей новой фрейлиной, – решила она. – Мадхур Зенит может вернуться домой в Золотой Узел: она вечно хвастает, что у нее там есть парень, по которому она так скучает. Чандни займет ее место.

На мгновение Треноди почувствовала себя властной, но сразу испортила все впечатление, посмотрев на Калу Танаку:

– Я ведь могу так сделать, правда?

Та поклонилась:

– Вы – Императрица Галактики и можете делать все, что захотите.

Глава 5

Так Чандни превратилась в своего рода выскочку-фрейлину. Вся дворцовая прислуга, моторики и охранники звали ее «леди Чандни», но на деле она была служанкой. «Принесите пальто Императрицы, леди Чандни», «Разбудите Императрицу к завтраку с начальником станции Ваг, леди Чандни», «Вы будете сопровождать Императрицу в паломничестве на Марс, леди Чандни». Все остальные фрейлины были от нее в ужасе – она понимала, что так и будет, и думала, что Треноди это тоже известно. Она не знала, что говорить им, а они – что сказать ей. Поэтому все быстро достигли компромисса, когда она вообще перестала с ними разговаривать, и ее это вполне устраивало.

В любом случае она не собиралась задерживаться надолго. Императорский дворец – не место для девушки, которая бегала с бандами гангстеров в подводных трущобах на Аягузе. Ей не нравилось быть благотворительным проектом Треноди Зенит. Следуя за Императрицей по запутанному лабиринту дворца – через Нефритовую комнату, Зеркальный бальный зал, Комнату с водопадом, – она высматривала ценные вещи. Почти все здесь было дорогим, даже то, что выглядело хламом, оказывалось бесценным антиквариатом с Древней Земли. Чандни надеялась, что если она прихватит несколько хороших вещиц, то Треноди окажется слишком добра или слишком смущена, чтобы посылать за ней Железнодорожные войска.

Но почему-то продолжала искать причины, чтобы остаться. Еда была хорошей и бесплатной, и она говорила себе, что нужно отъесться, до того как снова возвращаться на улицу. Имелась своя комната размером примерно с дом, в котором она выросла, тот самый, который сожгла. Комната находилась рядом с покоями Калы Танаки, этажом ниже покоев Императрицы. Все было больше или лучше, или просто приятнее, чем то, что окружало Чандни раньше. Даже свет казался дороже, просачиваясь сквозь декоративную ширму, отделявшую ее кровать от гостиной. Кровать была круглой и мягкой, как муляжные облака. Она вытягивалась на ней и спала на спине, храпя. Чандни могла бы проводить в этой постели весь день, но Кала Танака всегда заботилась о том, чтобы она рано вставала и была готова к выполнению всех своих дурацких обязанностей.

Каждый раз, когда Кала Танака будила ее или отдавала приказ, Чандни говорила себе, что с нее хватит, что она не рабыня и сегодня же ночью схватит какое-нибудь богатство и выскользнет через черный ход. Но каким-то образом, когда Кала стучала в ее дверь на следующее утро перед восходом первого солнца, она оказывалась на месте. Что ж, жаль уезжать из города до банкета Управления расписанием К-трассы. Она еще не бывала на настоящем банкете. А раз уж она все равно настолько задержится, то будет глупо пропустить паломническую поездку Треноди на Марс...

Марс был бессмысленной пустынной планетой в конце Водородной линии, но это была начальная станция Сети, где Стражи открыли самый первый К-шлюз. Поэтому по какой-то причине каждой новой Императрице или Императору приходилось отправляться туда и фотографироваться с задумчивым видом, глядя сквозь герметичный купол на саму Землю, которую временами было видно, если не бушевала песчаная буря. Еще из герметичного купола можно было увидеть обломки космических кораблей, на которых люди переправлялись на Марс, чтобы сесть на первые поезда, пройти через шлюз Марса и исследовать и заселить все остальные миры.

Треноди встала на смотровую площадку и показала на покрытую песком громаду «Варанаши» – корабль, на котором предки Зенитов совершили переход. Это вызвало у Чандни странное чувство, что-то вроде мурашек, как бывало в детстве на уроках истории, когда она думала о том, насколько далеко продвинулись люди. Песчаная буря не поднялась, и было видно Древнюю Землю, висевшую в марсианском небе, словно крошечная голубая звезда. Чандни поду-

мала, что было бы неплохо отправиться туда, но времени не хватало – по какой-то причине Стражи никогда не открывали К-шлюз на саму Землю, а чтобы добраться до нее на космическом корабле, потребовались бы долгие месяцы. Императрице нужно было вернуться на Центральную станцию как раз к летнему празднику.

Именно на обратном пути с Марса Чандни впервые после того дня в шахматном саду удалось поговорить с Треноди. На самом деле это было не совсем так: почти каждый день с тех пор Треноди спрашивала «Как ты устроилась, Чандни?» или «Ты счастлива, Чандни?», но это был первый раз, когда Чандни почувствовала, что той действительно нужен ответ.

Они ехали на новом поезде Зенитов. Все говорили, что он был не чета старому, но Чандни все равно показалось, что состав вполне шикарный: шестьдесят вагонов, которые тянул огромный старый локомотив под названием «Хрустальный горизонт». Покои Треноди находились в середине поезда: один вагон для одежды и два для нее самой и персонала, с боевыми дронами, жужжавшими за окнами и быстро нырявшими под крыши вагонов всякий раз, когда поезд приближался к К-шлюзу, потому что ничто, кроме поезда, не могло пройти через К-шлюз.

Однажды ночью Чандни попыталась заснуть, но это давалось ей с трудом, потому что поезд все время проходил через миры, где был день.

Она перешла из своего купе в салонную часть вагона и обнаружила, что у Треноди такая же проблема. Императрица Сети, окруженная ореолом маленьких дронов, стояла у окна со стаканом горячего шоколада в руке и маленькими шоколадными усиками там, где он касался ее рта.

– Так что ты думаешь о такой жизни, Чандни Ханса? – спросила она.

Чандни, которая собиралась уже извиниться и вернуться к себе в купе, осталась на месте и пожала плечами. Ей хотелось сказать что-нибудь о тех чувствах, которые она испытывала, когда стояла на Марсе и смотрела на старую Землю, но не нашлось подходящих слов.

– Это как жить в рекламе, – сказала она наконец.

Треноди рассмеялась:

– Точно! Так и есть! Мы живем *в рекламе*. Вся моя жизнь – это просто отличная крупнобюджетная реклама, призванная показать людям Сети, что все под контролем и с мирами все хорошо. А мы всего лишь актрисы, играющие свои роли.

Чандни нахмурилась:

– Но вы же Императрица...

Треноди снова рассмеялась:

– Разве ты не заметила Лиссу Делиус?

– Высокую черную даму с длинными белыми волосами? Железнодорожного маршала?

Чандни прекрасно заметила маршала Железнодорожных войск. И успела побыть на службе у Императрицы всего несколько дней, прежде чем железнодорожный маршал заметила ее. Чандни слышала, как та спрашивала Калу Танаку, кто эта новая девушка. Кала Танака, которая только недавно провела Чандни через все проверки дворцовой службы безопасности и сняла браслет с маячком, рассказала историю о работе, любезно предоставленной в качестве благотворительности, но Чандни видела, что железнодорожный маршал не купилась.

Она прищурила свои мудрые старые глаза и сказала:

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Кала...

– Она – настоящий правитель рельсов, – сказала Треноди. – Я всего лишь ее марионетка. Вот почему она выбрала меня. Я молода, не знаю, как все устроено, и не имею собственных идей. Я всего лишь кукла из Зенитов, которую она может посадить на Трон-платформу, пока сама пытается заставить сенат принять новые законы от моего имени. Если я попробую спорить, она, вероятно, сделает со мной то же, что и с моей сестрой Прией. А никто не знает, что стало с Прией. Лисса Делиус родом из какого-то ужасного индустриального мира. Она

выросла в бедности, и ей нужны законы, которые помогут другим бедным людям. Запрещение труда моториков, повышение заработной платы и тому подобное. Но ты себе не представляешь, как это принимается моей семьей и всеми другими корпоративными кланами. Они говорят, что я вношу опасные законы и риск нестабильности, потому что молодая и глупая. Но это не моя вина! Я лишь марионетка!

Чандни нравилась Лисса Делиус и ее законы. Она поразмыслила, не стоит ли попросить внести еще один закон, чтобы людей не замораживали на годы и те не скакали по поверхности десятилетий, как камень, брошенный «блинчиком». Но ответила лишь:

– На самом деле всем управляют Стражи, не так ли? Даже я это знаю.

Треноди уставилась в свой горячий шоколад, как будто там могли быть ответы:

– Стражи ничего не говорят о том, что задумала Лисса Делиус. Они остаются в Море данных и ни с кем не делятся своими мыслями. Если они что-то одобряют, то рассказывают об этом всем, чтобы все знали.

– Если бы они не одобряли, то сожгли бы вас с Лиссой Делиус ударом молнии или еще что-нибудь, – сказала Чандни. Она никогда особо не задумывалась о всеведущем, который за всеми наблюдал и всех направлял. Было совершенно очевидно, что им на нее все равно, так почему она должна переживать о них? И все-таки у нее возникла смутная мысль, что, если ты им не нравишься, они заявят об этом молниеносно.

– Я однажды встретила Стража, – поделилась Треноди. – Это был интерфейс Анаис-6. На Сундарбане. В ту ночь, когда Зен Старлинг и его девушка-моторик сбежали. В ту ночь, когда Лисса Делиус разбудила меня, чтобы сказать, что я стану Императрицей. Это был последний раз, когда я видела Коби.

Чандни села, чувствуя, что разговор предстоит долгий. В конце концов, ее отец часто бывал в подобном настроении, хотя и изливал душу под рисовое вино, а не горячий шоколад. Поезд миновал К-шлюз и выехал на равнину, похожую на лед под двумя красными солнцами, которые, казалось, пожирали друг друга. Чандни и Треноди, бывалые путешественницы по железной дороге, едва удосужились взглянуть на открывавшийся вид.

– Кто такой Коби? – спросила Чандни.

– Мы с ним должны были пожениться еще до того, как я стала Императрицей, – ответила Треноди. – Планировался деловой брак, призванный связать семью Зенитов с кланом на распорке Сундарбана, Чен-Тульси. Коби – болван. Ну, был болваном... Но в итоге оказался довольно храбрым. Знаешь, когда дела идут плохо, видишь людей такими, какие они на самом деле. И Коби оказался хорошим человеком, правда. Думаю, я действительно была для него важна. Но как только я стала Императрицей, все пошло прахом. Императрица не может выйти замуж за выходца из мелкой семьи, о которой никто никогда не слышал. Мне придется выйти замуж за Альбайека или Нгуена, или кого-то еще...

Чандни сидела в сиянии умирающих солнц, смотрела, как по лицу Императрицы Галактики текут слезы, и думала о том, какой странный поворот событий приняла жизнь девушки-ледышки.

– Я не влюблена в него, ничего подобного, – сказала Треноди. – Не знаю, почему плачу. До сегодняшнего вечера я о нем почти не думала. Я просто устала. Коби Чен-Тульси! Повезло, что я от него избавилась. Интересно, что он сейчас делает?

Часть 3. Разбитая Луна

Глава 6

Коби Чен-Тульси смотрел фотографии Марса с гарнитуры, пока поезд «Бурная погода» нес его через скучные и в основном заснеженные промышленные миры по Трансчибийской магистрали. Здесь находились оплоты семьи Преллов, с которой его собственная семья надеялась заключить важную деловую сделку. Он полагал, что это станет своего рода утешением после краха слияния с Зенитами, но ему не нравились Преллы, не нравились их безрадостные планеты, не нравился двоюродный брат Роло, которого послали вместе с ним следить за подписанием контракта. Поэтому он закрыл глаза и притворился, что дремлет, в то время как гарнитура передавала изображения марсианского паломничества Императрицы прямо в зрительные центры его мозга.

Если бы все шло по плану, они с Треноди уже бы праздновали свадьбу. Это был бы лишь деловой брак, но Коби любил свою Трен, по-настоящему любил. Он не мог поверить своей удаче, когда семейные сваты впервые познакомили их. Он сделал все возможное, чтобы произвести на нее впечатление, выставил себя дураком и, вероятно, все испортил, но после катастрофы на Веретенном мосту он был ей нужен и действительно думал, что начал ей нравиться. А потом ее внезапно увезли и избрали Императрицей, а ему сказали: «Спасибо, ты больше не нужен, Коби Чен-Тульси».

И хуже всего, что никто, казалось, не понимал, что его сердце разбито. Мать больше волновало имя Чен-Тульси. Консультанты по семейному имиджу сказали, что Коби не следует даже выпускать на публику, чтобы не давать лишний повод Сундарбанским каналам сплетен, которые, конечно же, будут от этого в восторге. Вот почему его отправили вместе с Роло на эту торговую миссию к консорциуму Преллов в их замороженные недоделанные миры в заднице Сети. Так он и оказался на неудобных сиденьях «Бурной погоды», листая на гарнитуре истории о Треноди, а Роло, сидя рядом, ел миндальные пирожные и вытирал липкие пальцы о подлокотник.

Никто точно не помнил, кто что создал: Стражи – корпорации или корпорации – Стражей. Одно было ясно: Стражи создали К-шлюзы, и когда человечество начало через них путешествовать, именно корпорации построили станции, поезда и подвижной состав, а также проложили рельсы, которые связывали шлюзы вместе. Занимаясь бизнесом в те дикие времена, когда законы вечно менялись, на планетах, разделенных половиной галактики, корпорации обнаружили, что им понадобится нечто большее, чем просто доверие, чтобы заключать коммерческие сделки, поэтому начали скреплять союзы браком. Так появились семейные корпорации.

На протяжении последующих столетий некоторые семьи процветали, а другие увядали. Самыми важными сейчас были (разумеется) Зениты, Альбайеки, Нгуены и Ханы. Существовали тысячи домов поменьше – семьи, подобные Чен-Тульси, с властью на одной станции или системе, но мечтавшие о величии. А еще были Преллы, прятавшиеся в своих холодных мирах на западных ветках, лелеющие старые обиды, твердо убежденные, что заслуживают большей власти, большего влияния.

– Мы построили эту Сеть, – рано или поздно начинали ворчать Преллы всякий раз, когда разговор заходил о политике. – Мы были первопроходцами, шли туда, куда никто не хотел идти,

и как только мы строили там станции и начинали терраформировать⁵ найденные миры, прилетал какой-нибудь мерзавец и захватывал власть. Всякие Зениты. Всякие Альбайеки. Задирали носы, все из себя этичные, смещали нас, надували. Как будто представляли собой хоть что-то без нас, Преллов...

Преллы никогда не заключали мир с другими великими семьями и не вступали в браки, как остальные. Торговали, но оставались в стороне. Пятьдесят лет назад они поддерживали мятежников-сепаратистов на Спиральной линии и затеяли мелкую грязную войну, которая почти принесла им Империю, пока Железнодорожные войска не разбили их бронепоезда в Битве при Галахасте.

Многие люди задавались вопросом, почему Стражи просто не отдали проблемные миры под контролем Преллов другим, более цивилизованным семьям, и не покончили с этим. Возможно, дело было просто в том, что никто, кроме Преллов, не рвался к хлопотам и тяжелой работе по управлению Трансчибийской магистралью.

– Коби! Просыпайся, братец! Принарядись немного, Стражей ради. Мы приехали!

Коби выключил наушники и сделал вид, что просыпается. Роло с трудом поднялся на ноги, разбрасывая крошки и обертки от печенья. Он был старше Коби на пять-шесть лет, но Коби всегда считал, что кузен похож на раздутого ребенка с пухлым лицом и любовью к сладостям.

– Пошевеливайся, кузен Коби, – прорычал он, – нельзя тянуть резину. Мы не можем себе позволить оскорблять Преллов. А Преллов очень легко обидеть. Я знаю этих людей, не забывай. Я работал над этой сделкой долгие годы, заводил друзей, устанавливал контакты, пока ты крутился возле этой заносчивой девчонки Зенитов.

– Треноди не заносчивая. Она просто застенчивая.

– Ладно, братец. Не откусывай мне голову! Может быть, мы найдем тебе миленькую девушку из Преллов, а? У них ледяные сердца, но я уверен, что ты мог бы их растопить...

Коби нахмурился и потянулся за пальто и шляпой.

Разбитая Луна немного крупнее большинства станций Преллов, которые они миновали, и нависавшие над платформами портреты Илона Прелла были чуть внушительнее. Отряд корпоративных морских пехотинцев Преллов ждал их на платформе. Автомобиль вез их по извилистым дорогам через дельту железнодорожных путей и паровозных ангаров вверх, в горы.

Там, среди скал, притаился Каркатагарх, фамильный дом Преллов. По словам Роло, люди называли его «Крабьим замком», и он действительно немного походил на краба: длинное, низкое биоздание, главная секция которого пряталась под крышей в форме раковины, а два серповидных крыла образовывали клешни. По небу над ним были разбросаны осколки разбитой Луны, давшей название этому миру. Должно быть, когда-то она была почти такой же большой, как его родная планета, но какое-то давнее столкновение превратило ее в вечный рваный полумесяц с кольцами из обломков. Бледный, как кость, свет падал на снег и изогнутую крышу Каркатагарха, похожего на крабью раковину.

Канатная дорога доставила Коби и Роло к дому. Они вышли в круглый вестибюль, отделанный черным камнем и украшенный головами гигантских шерстистых животных – каких-то генно-технических доисторических созданий с Древней Земли.

– Всех их застрелили в семейном охотничьем заповеднике на дальней стороне горы, – объяснила молодая женщина, ожидавшая их. – Мне сказали, вы любите охотиться.

Коби задумался, что же она слышала о нем. Ему и впрямь нравилось охотиться, но он наделал глупостей в заповеднике у Зенитов на Джангале и чуть не погиб от лап одного из зве-

⁵ Терраформирование – изменение климатических условий планеты, спутника или иного космического тела для приведения атмосферы, температуры и экологических условий в состояние, пригодное для обитания земных животных и растений.

рей, на которых велась охота. Вид этих клыкастых, сверкающих голов вызвал воспоминания: ужас и стыд. Когда молодая женщина сказала: «Завтра я вас отведу, если хотите», он подумал, что его сейчас стошнит.

– С удовольствием, – ответил Роло.

– Я – Лария Прелл, – представилась она кланяясь. Она была ненамного старше Коби. Белокурые волосы, бледно-серые глаза и неприглядная пурпурная парадная форма Корпоративного Десанта Преллов, которая никак не украшала ее крепкую фигуру. Коби редко встречались белые люди. Трудно было не глазеть на ее бледное в веснушках лицо, длинный розовый нос. Но она, похоже, была его партнершей на этот вечер, поэтому он улыбнулся так галантно, как только мог, и последовал за ней в столовую, где ему предстояло познакомиться с новыми людьми: Преллы, Преллы, какой-то полковник из Железнодорожных войск, начальник какой-то станции, потом снова Преллы и, наконец, сам старик Илон Прелл, с лицом, испещренным глубокими морщинами от многолетних интриг, такой же уродливый и неприветливый, как и его дом.

Слуги были людьми, а не моториками, и, казалось, ходили парами. У человека, который проводил Коби и Ларию к их местам, был двойник, который через мгновение подошел, чтобы налить им напитки. Еще несколько пар одинаковых слуг принесли еду: жидкий суп, а после него – гигантские бифштексы с кровью. За креслом Илона стояли два головореза с одинаковыми мрачными лицами и бритыми головами.

– Мой дядя нанимает только близнецов, – тихо сказала Лария. – Двое позади него – Шив и Энки Мако, его любимые телохранители. Всякий раз, когда в мирах Преллов рождаются близнецы, их родители знают, дети смогут найти работу у нас в семье. Это делается для того, чтобы почтить самих Близнецов: великих Близнецов в Море данных. Близнецы всегда были очень добры к нашей семье.

Оно и понятно, подумал Коби. Все говорили, что Близнецы – самые странные, самые трудные Стражи. Преллы как раз должны быть им по душе. Повезло, что хоть Лария была в единственном числе...

После ужина они отправились в небольшой зал совещаний, где Роло включил голографический проектор и показал презентацию о том, сколько денег могут заработать Преллы и Чен-Тульси, если будут работать вместе, добывая минералы из различных систем, принадлежащих Преллам.

– Не думайте, что раз мы базируемся на Сундарбане, то не знаем, что такое тяжелая работа. Семья Чен-Тульси построила дома в самых труднодоступных местах: в астероидных шахтах, на далеких лунах. Моя бабушка, наша славная основательница, провела большую часть жизни в космосе, строя фермы из анти-материи в магнитосфере звезды Ваджрапани... Перед Коби кружились голографические планеты. Над проектором возник миниатюрный пояс астероидов, похожий на ореол из воздушных мясов, с оранжевыми нитями, показывающими пути, по которым шахтерские корабли Чен-Тульси обходили более крупные астероиды.

У Роло получалось хорошо. Он казался взрослее, вычитывая цифры и статистику в ответ на вопросы, которыми его засыпали лидеры семьи Преллов. И Коби ничего не оставалось делать, кроме как сонно сидеть, впологла наблюдая за происходящим, втихоря рассматривая через гарнитуру фотографии Треноди и гадая, будет ли он когда-нибудь снова счастлив.

– Несколько недель назад вы были готовы вступить в союз с Зенитами, – проворчал Илон Прелл и указал толстым пальцем на Коби. – Он должен был жениться на девушке, которую недавно пихнули на престол. Поэтому вы здесь? Преллы – ваш второй вариант, я правильно понял?

– Я не отрицаю, что мы были разочарованы, когда брак с Треноди Зенит сорвался, – мягко сказал Роло, прежде чем Коби успел придумать ответ. – Но мы решили посмотреть на это как на новую возможность. Девушка – Императрица, но *останется* ли она Императрицей?

Все знают, что это лишь марионетка Лиссы Делиус, а никому не нравятся реформы, которые планирует Лисса. Кто знает, что может случиться? Мы считаем, что было бы лучше связать себя с более *адаптируемой* семьей.

Что именно это означало, Коби не понимал, но Преллы, похоже, остались довольны. Из-за стола послышались одобрительные возгласы. Несколько человек даже подняли бокалы, выпив за здоровье Роло кислого местного вина. Коби улыбнулся и кивнул, стараясь выглядеть умным.

– Хорошо сказано, – отметил Илон Прелл, и слуги-близнецы вышли вперед, чтобы наполнить его бокал и бокал Коби. – Контракты заключим завтра, а официальное объявление сделаем на следующей неделе, но думаю, мы договорились. Благодаря союзу наших семей Чен-Тульси получают исключительные права на разработку наших внеземных владений, в то время как мы получим доступ к вашим железнодорожным грузовым станциям и другим объектам на Сундарбане. Соглашение скрепит брак между леди Ларией Прелл и Коби Чен-Тульси.

Коби впервые слышал об этом, и, судя по выражению ужаса на невзрачном лице, Лария Прелл тоже.

– Я думал, ты понял, – потом объяснял ему Роло. – Думал, твоя мать сказала, что нашла тебе новую пару!

– Если бы она мне сказала, я бы ни за что не поехал в это ужасное место!

– А-а. Ну, видимо, именно поэтому тебе и не стали говорить.

Они были в спальне Роло, рядом с комнатой Коби, на одном из верхних этажей Крабьего замка. Когда туда ворвался Коби, Роло сидел на кровати, сняв один ботинок, словно он уже начал раздеваться.

– Но я не хочу жениться на этой девчонке из Преллов!

– Перестань звать ее «девчонкой из Преллов». Зови ее Ларией. Тебе придется так делать, когда женишься.

– Я...

– Знаю, знаю. Ты не хочешь жениться на ней. Но это цена, которую ты платишь за то, чтобы быть наследником такой многообещающей семьи, как наша. Ты как банк в игре, дорогой мой брат: твоя мать должна сделать лучшую ставку.

– И все? Женить меня на ледяной принцессе с лопатой вместо лица, чтобы мы могли батрачить на Преллов как каторжные?

– Во-первых, Коби, мне больно слышать, что ты говоришь так о своей будущей жене: она, вероятно, очень милая девушка. Внешность – это еще не все, знаешь ли. И, во-вторых, союз с консорциумом Преллов – лучшее, на что может надеяться наша семья на данный момент. Ты не знаешь всего, брат мой. Поверь, эти Преллы далеко пойдут.

– Что ты хочешь этим сказать?

Роло зевнул и покачал головой:

– Я и так сказал слишком много. А теперь иди спать, Коби, дорогой друг. Уже очень поздно, у нас был длинный день, а эти морозные дикари, похоже, намерены утром взять нас на охоту.

Коби подошел и встал у окна. Промелькнула мысль выбраться через него и слезть с холодной скалы, но мать будет в ярости, а на улице шел сильный снег.

Внизу, во дворе, Илон Прелл в массивной меховой шубе лично прощался с одним из своих гостей. Его телохранители-близнецы стояли в тени позади Илона. Когда транспорт гостя взлетел, отблески габаритных огней вспыхнули на их бритых головах, бледных и блестящих, как пара одинаковых черепов.

Глава 7

К рассвету разбитая луна переместилась в другую часть неба, но Коби до сих пор видел гигантские обломки, заполнявшие морозный чистый воздух над далекими железнодорожными станциями. Маленькое солнце стояло низко и не давало тепла. «Почему Преллы настояли на том, чтобы поселиться здесь?» – удивился Коби. Являлось ли это простым упрямством? А может, им просто нравилось чувствовать себя неуютно. Кровать в его большой, плохо отапливаемой комнате была твердой, как кусок шифера.

Охота тоже не вызывала теплых чувств. Преллы не держали снегоходов или гончих дронов. Они охотились с настоящими гончими, верхом на спинах настоящих лошадей. Прошло уже много лет с тех пор, как Коби ездил на лошади, но он не собирался показывать своим будущим родственникам, как ему страшно, поэтому кое-как вскарабкался в седло большого зверя и попытался придать себе уверенный вид. Лошади были искусственно выведенными, с примесью зебры в ДНК. На них были накидки из той же ткани, что и хамелеоновые пончо на всадниках, черные и белые полосы маскировали их на фоне изрезанных снегом осыпей Разбитой Луны.

Задолго до того, как они перевалили через хребет в охотничьем заповеднике, у Коби заныли ноги, а лицо онемело от ледяного ветра. Тем не менее он хорошо управлялся с лошастью, двигаясь галопом вместе с остальными членами отряда. И дичь, за которой они гнались, была не такой большой и свирепой, как он опасался: лишь стая долговязых, покрытых белым мехом обезьян, обитавших на вершинах гор.

Они свернули в долину с крутыми склонами, следуя за лаем собак и далекими, гулкими криками обезьян.

Коби обнаружил, что едет рядом с Ларией Прелл, которая холодно произнесла:

– Не ожидала объявления прошлым вечером.

– Я тоже, – сказал Коби. – Мне очень жаль.

– Ничего. Я тоже не хочу выходить за тебя замуж.

Это немного удивляло. «Почему это?» – подумал он.

– Я ни за кого не хочу замуж, – заявила она. – Может, позже, но не сейчас. Я уже пару лет служу в семейном корпусе морской пехоты, и мне нравится. Хочу когда-нибудь командовать боевым поездом.

– Думаю, ты могла бы выйти замуж и остаться солдатом, – сказал Коби. Он решил, что ее белое лицо органично смотрится здесь, на холоде. Щеки и кончик носа покраснели, что ей очень шло, а в седле она двигалась с какой-то ширококостной грацией. Он подумал, что теперь, когда он потерял Треноди, уже не важно, с кем он помолвлен. Почему бы не с Ларией Прелл?

Но она уже ушла вперед. Он потерял ее из виду в размытом пятне одинаковых полосатых лошадей, таких же полосатых пончо и рассыпанного копытами снега. Затем далеко вверху, в долине, послышались звуки стрельбы из орудий, и группа распалась, преследуя отдельных обезьян, пока отряд бежал по склонам. Спустя десять минут он снова увидел Ларию, стоявшую в седле и целившуюся из карабина в большого самца, который кричал и нес какую-то тарабарщину из-за каменной скалы. Он повернул коня в гору, но тот нырнул в ложину сквозь корку свежего снега, и Коби перекинуло через голову.

Он грузно приземлился. К тому времени, как он выбрался из сугроба, конь уже сбежал, направляясь к дому с развевавшимися стремянами. Коби почти с благодарностью опустился на снег, ожидая, что дроны Преллов заметят его, слуги привезут мотоцикл или летуна и отвезут домой. Но постепенно, когда звуки охоты затихли над гребнем холма, он начал понимать, что подобного не случится. У этих глупых Преллов с их любовью к трудностям, вероятно, не было дежурных дронов или спасательных аэромобилей для переправки свалившихся всадников. Он попробовал включить гарнитуру, но глушащее поле блокировало любую связь с мест-

ным информационным потоком. В зоне досягаемости была только аварийная станция, куда можно сообщить о серьезных травмах.

Коби осмотрел себя. Он не пострадал и уже собирался войти в систему и попросить, чтобы за ним прилетел аэромобиль, когда вдруг подумал, что Преллы могут проверять его. Возможно, испытание было задумано специально, дабы увидеть, есть ли у него нужные качества, чтобы стать настоящим Преллом. Он не хотел подтверждать их предубеждений относительно мягкотелых сундарбанийцев. А еще не хотел возвращаться домой и рассказывать матери об очередной неудаче и еще одной провальной охоте.

Значит, придется возвращаться в Крабий замок пешком. Отлично.

Поход оказался затяжной и скучный, а Коби не привык к долгим прогулкам и одиночеству. Первый час или около того он слушал музыку, которая хранилась на его гарнитуре, но Коби не очень любил музыку, ему быстро наскучило и он ее выключил. В горах было тихо, если не считать скрипа и хруста от его сапог в снегу. Он изменил настройки хамелеона на своем пончо так, чтобы оно стало ярко-оранжевым, в надежде, что кто-нибудь заметит его, бредущего по снежным полям. Но если охота еще продолжалась, все уже далеко ушли. Ему показалось, что в какой-то момент он услышал лай собак, но это мог быть и ветер, стонущий в скалах.

Низкое солнце опустилось еще ниже. Синие тени ползли по снежным полям, разбитая луна раскинулась по небу. Все равно что жить под постоянно рушащейся башней, подумал Коби, глядя на нее снизу вверх. Неудивительно, что все Преллы были полубезумными.

Когда угас последний луч дневного света, он наконец признал, что заблудился и уже подумывал о том, чтобы все-таки связаться с аварийным участком, когда над грядой впереди раздался знакомый звук: визг тормозов поезда и глухой лязг сцеплений. Спотыкаясь, он взобрался на пригорок и посмотрел вниз, на грузовую станцию, залитую светом от высоких сигнальных мостиков. Там стояли штабеля грузовых контейнеров, дюжина железнодорожных линий исчезала в туннеле в склоне горы. Странное место для грузового терминала, но Разбитая Луна вообще была странным миром. Может, там шахты. По крайней мере, там точно найдутся люди или машины, которые могут связать его с Крабовым замком. Он помчался вниз по склону, к рельсам, в облаке снежной пыли.

Но у подножия между ним и путями возник забор. Заграждение из сетки тянулось на много метров вверх и венчалось колючей проволокой. Он никогда не видел такой охраны. Чего боялись Преллы здесь, в горах? Может, проблемой были обезьяны?

Он сердито плелся вдоль забора по рельсам к тому месту, где те скрывались в горе. Коби видел там огни и движение: большие подъемники складывали груз на вагонетки-платформы. Он включил гарнитуру, но связи по-прежнему не было. Хотелось крикнуть что-нибудь, но подземные грузовые отсеки были еще слишком далеко, и внутри было слишком шумно, чтобы кто-нибудь мог его услышать.

Затем загудели ближайшие рельсы, как бывает с приближением поезда. Коби оглянулся через плечо и увидел, как к линии медленно прибывает поезд с выключенными огнями. Он повернулся к нему лицом и уже собрался было кричать и махать руками, когда что-то заставило его передумать.

Почему свет не горит?

Он стоял в тени и смотрел, как состав с грохотом проносится мимо. Небольшой, но хорошо вооруженный боевой поезд, который тащил за собой длинный ряд бронированных вагонов и платформ. На каждой стоял танк, или пушка, или штурмовое судно на воздушной подушке. Коби никогда не видел столько военной техники, только в приключенческих три-ди. А внутри горы виднелось что-то еще. Он включил гарнитуру и увеличил изображение погрузочных отсеков: в каждом из них стоял боевой поезд Преллов.

Так вот что имел в виду Роло, когда говорил, что Преллы далеко пойдут. Они готовятся к войне.

С неба на него разлился свет. Он посмотрел на опускающееся брюхо аэромобиля. Должно быть, он активировал какую-то систему безопасности по дороге. Теперь Преллы с радостью заберут его со своей горы.

Глава 8

Вернувшись в Крабий замок, Коби поел и был осмотрен медиками Преллов, а после поговорил с Роло. Тихо и настойчиво, у себя в спальне, зная, что тяжелая резьба на стенах может скрывать шпионские камеры и микрофоны, которые будут передавать каждое слово прямо в сеть безопасности Преллов.

– У них боевые поезда, Роло! Их десятки. Они к чему-то готовятся...

Роло был угрюм, зол на него за то, что тот заблудился, и раздражен, что пришлось оторваться от выпивки и еды.

– Ну, естественно, они к чему-то готовятся, дорогой брат. Как ты думаешь, почему мы хотим этого союза? Все изменилось: Зениты ослабли, и пришло время кому-то другому захватить власть. Этим кем-то станет консорциумом Преллов. Они ждут уже целое поколение. Твой будущий тесть знает, что у него никогда не будет лучшего шанса.

– Не называй его так!

– А почему бы и нет? Сегодня на охоте ты вроде бы неплохо ладил с леди Ларией, пока не упал.

– Дело не в Ларии. Речь идет о Треноди. Что с ней будет, если Преллы возьмут верх?

– Думаю, ее убьют. Или отправят в ссылку. Почему тебя это волнует? Эта упертая корова Зенитов...

– Треноди не упертая.

– Она быстренько тебя бросила, когда представился удобный случай.

– Ее сделали Императрицей! Она не хотела этого! Ее заставили разорвать помолвку, им пришлось! Наша семья недостаточно значима, чтобы вступать в брак с Императорским двором!

– Но она такой *станет*! – ответил Роло. – Разве ты не понимаешь? К тому времени, как будет заключен ваш брак с Ларией Прелл, ее дядя Илон будет сидеть на Троне-платформе. Вот в чем дело, Коби. Мы приспосабливаемся к новым обстоятельствам на заре новой династии. И станем одной из великих семей грядущей эры.

Коби сел на кровать и теперь с несчастным видом теребил вышитые покрывала.

– Не понимаю, как они могут рассчитывать, что это сойдет им с рук, – сказал он. – Все эти военные поезда и передвижения войск. Стражи заметят.

Роло улыбнулся. Это была самодовольная улыбка человека, знающего тайну.

– Дорогой братец, ты должен понять, что некоторые Стражи всегда питали слабость к нашим холодным друзьям, на Трансчибийской магистрали. Близнецы защищают их и помогают им тайно подготовиться к выпаду против Зенитов. Который, когда настанет время, будет быстрым и безжалостным. Другие Стражи поворчат, но стабильность ценится превыше всего. Как только дым рассеется, Илон Прелл станет Императором, и при условии, что он не попытается править слишком жестоко, Стражи примут его. Для них не имеет большого значения, кто сидит на Троне-платформе, главное, чтобы кто-то сидел.

Коби подумал о Треноди. Как хороша она была на портретах с Марса! Известно ли ей, что задумали Преллы? Будут ли ее Железнодорожные войска к этому готовы? Но если даже Стражи не знают...

– Вот видишь? – воскликнул Роло, вскакивая, словно слишком взволновался, чтобы долго сидеть неподвижно. – Видишь? Бедный старый кузен Роло, изгнанный к Зимним звездам для переговоров с дикарями, уже успел наладить отношения с этими людьми. Я наводил мосты, заключал сделки. Как только старый Император умер, я пошел прямо к твоей матери и сказал: «Это наш шанс, забудь о Зенитах, Преллы – вот кого надо поддерживать». Понял?

– Да, – кратко ответил Коби.

– Ты благодарен мне за то, что я нашел тебе такую невесту?

– Спасибо, Роло.

– На здоровье! Ну, не знаю, как ты, а я бы не отказался еще выпить, так что собираюсь вниз. Идешь? Просто держи то, что я тебе сказал, при себе.

Коби ухмыльнулся:

– Ладно. Спускайся, увидимся через двадцать минут.

Он подождал, пока двоюродный брат пройдет по коридору к лифтам, и начал переодеваться. Он натянул дорожную одежду. Сверху надел камуфляжное охотничье пончо. Когда брат ушел, он выбрался через окно на балкон и спустился по наружной лестнице, направляясь к канатной дороге.

Глава 9

Он сказал себе, что бояться нечего. Он был гостем в доме Преллов, и притом очень важным. Если ему захотелось совершить вечернюю прогулку в одиночестве (несмотря на холод и усталость), никто не станет возражать. Тем не менее, когда фуникулер высадил его на маленькой станции под Крабьим замком, он натянул капюшон и застегнул пончо такого же тускло-серого цвета, что и у рабочих, которые ждали транспорт до станционного города.

Он стоял в тени и размышлял о своем плане. У него не было большого опыта в планировании. Раньше это было не нужно. Когда ты – сын семейной корпорации, то делаешь, что хочешь, а разгребать беспорядок оставляешь других.

Что ж, теперь он хотел предупредить Треноди и дать ей шанс сбежать с Центральной станции до того, как Преллы воплотят задуманное. Ему не нужно было идти туда самому. На Разбитой Луне есть Железнодорожные силы. Он расскажет командиру все, что знает, а потом еще до утра сядет на поезд до Крабьего замка и за завтраком объяснит, что слишком устал, чтобы вернуться вчера на вечеринку.

Было приятно, что все сложилось в голове.

Поезд прибыл, и Коби втиснулся в него, стараясь не слишком удивляться убогости вагонов среднего класса. Он никогда раньше не путешествовал в среднем классе. Здесь не было купе, только длинные ряды сидений. Не снимая капюшона, он сел в углу, повернувшись лицом к окну, глядя на заснеженные поля и темные здания, и через гарнитуру искал на местном дата-рафте штаб Железнодорожных войск. Он не собирался рисковать, посылая им сообщения, но нужно узнать, куда идти и с кем говорить, чтобы передать свое предупреждение лично.

Вот он, непримечательный черный квартал в деловом районе, недалеко от вокзальных платформ. Местным командующим Железнодорожными войсками был полковник Байрам – хорошая сундарбанская фамилия. Коби вызвал его биографию, и его план рухнул.

Он сразу узнал фотографию полковника. Это был тот самый старый седовласый солдат, что был на обеде у Преллов.

– Станция Разбитой Луны, – сказал поезд, замедляя ход. Остальные пассажиры начали натягивать пальто и поднимать сумки, но Коби продолжал смотреть в окно, наблюдая за пронесившимися мимо путями. Естественно, Преллы позаботились о том, чтобы местные офицеры Железнодорожных войск были у них в кармане. Естественно, полковник Байрам являлся желанным гостем в Крабьем замке, другом семьи. Скорее всего, и младшие офицеры тоже. Коби застонал. Как он мог быть таким глупым?

– С тобой все в порядке, дружище? – спросил мужчина, наклоняясь, чтобы коснуться его плеча. Коби поспешно встал и кивнул, но мужчина последовал за ним в вестибюль, где уже выстроились в очередь остальные пассажиры.

– Ты ведь не здешний, верно?

– Я просто в гостях, – ответил Коби. – Выполняю кое-какую работу для своей семьи.

– Ты – сундарбаниец, да? – спросил мужчина, узнав акцент Коби.

Несколько человек обернулись и посмотрели на него.

– Держу пари, тебе здесь холодно!

Двери разъехались. Все вышли, шаркая ногами. В резком белом свете фонаря под станционным навесом Коби увидел еще один поезд, ожидавший на соседней платформе, и услышал, как на станции гремит автоматическое объявление: «Всем пассажирам поезда номер ноль сорок пять до Золотого Узла с остановками на станциях Фростфолл, Питим, Лифтрасир, Чибя и Золотой Узел...»

– Мой поезд, – сказал он, пытаясь отделаться от нового друга, оттолкнув женщину с дороги. – Извините...

Он пересек платформу и вскочил на борт экспресса как раз в тот момент, когда двери со вздохом закрылись. Одна из подпрограмм поезда открыла окно в его гарнитуре и попросила оплатить проезд. Он на автомате ввел номер счета своей семьи и сел. Возникла небольшая задержка – двери закрылись, потом снова открылись, и Коби пожалел, что у него не хватило ума использовать какой-нибудь другой счет для оплаты поездки. Он не был создан для такого рода приключений, медленно соображал. Но все было в порядке: поезд наконец-то тронулся со станции, оставив город позади.

Коби протиснулся сквозь липкие раздвижные двери, ведущие из тамбура в главную часть вагона и сел на свободное место, посмотрев в окно, чтобы в последний раз увидеть разбитую луну Разбитой Луны, когда локомотив начал гудеть, резко ускоряясь в туннеле по прямой к К-шлюзу.

В дальнем конце вагона открылась дверь, и из нее вышли два телохранителя Илона Прелла, пробираясь вперед из задней части вагона. Они двигались медленно, изучая каждый отсек, быстро оглядывая лица всех пассажиров. Когда они проходили под лампами, установленными на потолке вагона, на их бритых скальпах отражался свет.

«Придется блефовать, – подумал Коби, – скажу им, что еду в Золотой Узел на встречу с девушкой. Они поймут. Я – Чен-Тулси, они ничего мне не сделают».

Телохранители подошли ближе. Они двигались одинаково, но их головы поворачивались в разные стороны: один проверял пассажиров слева от вагона, другой – справа.

«Притворюсь, что сплю, – подумал Коби. – Опущу голову и закрою глаза, они даже не заметят».

Но он знал, что его заметят.

Он почувствовал, как ритм колес внезапно изменился, и понял, что поезд мчится к воротам. Когда в окнах засиял антисвет К-пространства, он начал двигаться, вставая с сиденья в странном замедленном мгновении вне времени, когда вагон проходил через шлюз. К тому времени, когда поезд пересек порог и выехал из туннеля на какой-то небольшой луне, он был уже на ногах, направляясь к вагону-буфету в передней части состава.

Он знал, что было ошибкой оглядываться назад, но все равно оглянулся. Один из братьев Мако увидел его. Коби протиснулся через качавшуюся гармошку в следующий вагон. Пассажиры, мимо которых он проходил, смотрели на него снизу вверх со своих сидений, и он был уверен, что те видят его испуг. Еще одна дверь, еще один тамбур, еще одна ревущая гармошка. Мимо сложенных чемоданов в багажном вагоне. Моторик выжидающе посмотрел на него, но Коби оттолкнул его в сторону и прошел в следующий вагон, потом дальше, а потом свернул вбок, в туалет, надеясь, что Мако пройдет мимо.

Через мгновение он услышал их голоса снаружи. В дверь постучало нечто более твердое, чем кулак... Оружие?

– Сэр?

– Минутку...

Коби попятился к окну. Снаружи мелькали огни, но стекло замерзло, и он не мог ничего разглядеть. Сквозь сливное отверстие раковины в углу доносилось тонкое, пульсирующее шипение колес, как музыка из дешевой гарнитуры. Снова раздался стук в дверь. Громкий и уверенный – стук людей, привыкших к тому, что двери, в которые они стучат, открываются.

Коби послал сообщение Роло, который ответил почти мгновенно. Изображение передалось гарнитурой в зрительную кору головного мозга Коби, так что лицо Роло, казалось, повисло в воздухе между ним и стеной туалета. Он выглядел измотанным и сердитым.

– Коби? Где ты? Ты что это...

– Меня преследуют! – заскулил Коби. – Я в поезде, тут эти двое...

– Естественно, они преследуют тебя! – заорал Роло. – Они думают, что ты шпион! Какого черта... Где ты?

– Сэр? – спросил один из мужчин за дверью.

– В поезде, не знаю, – ответил Коби. – Тут эти два головореза, братья Мако...

– Личные охранники Илона Прелла, – добавил Роло. – А чего ты ожидал? Думал, что сможешь просто улигнуть, узнав такое? Что они не будут следить за тобой?

Он покачал головой.

– Я ничего не могу для тебя сделать, бедный дурачок. Как подумаю, сколько сил я вложил в этот союз...

Коби оборвал связь. Он стоял и дрожал, глядя на свое ошеломленное лицо в зеркале над мелкой раковиной. «Я ничего не могу сделать». Его убьют. Это было как во сне. Все не могло закончиться здесь. *Только не в туалете...*

– Пожалуйста, выйдите, сэр, – сказал голос за дверью.

Коби использовал гарнитуру, зайдя в систему поезда. Локомотив назывался «Деревья принятия решений», старый AG-90 с завода Фосс на Калине-Б. Он не знал, можно ли ему доверять, но поезд не закрыл перед ним ни одной двери, пока он шел, и пока не отпирал эту, поэтому Коби послал ему отчаянное сообщение: «Поезд, Преллы планируют атаковать Центральную станцию – ты должен предупредить об этом Треноди Зенит...»

Внезапно его охватило чувство невесомости. Свет за матовым стеклом сменился на цвет неизвестного К-пространства. Поезд ворвался в очередной шлюз, и в тот же миг, когда он оказался между двумя мирами, дверь туалета распахнулась настежь. Один из мужчин остался снаружи, наблюдая за происходящим. Второй наполовину вошел, наставив на Коби массивный серебряный пистолет.

– Я – Коби Чен-Тульси! – крикнул Коби, угрожая именем своей семьи, как оружием. Раньше это всегда срабатывало, когда у него возникали небольшие неприятности с полицией на Сундарбане или когда нужен был столик для его друзей в переполненном ресторане. Он прокричал это отчасти поезду, надеясь, что тот слушает, и отчасти – стрелку:

– Я важная персона!

Но поезд не ответил, а пистолет все равно выстрелил.

Часть 4. Рельсовая война

Глава 10

Порой Чандни беспокоилась, что если продолжит жить с богатыми людьми, то, в конце концов, тоже станет вести себя как богачка и интересоваться вещами, которые волнуют богачей: поэзия, шторы и прочее. Порой она думала, что это не так уж плохо, потому что люди во дворце казались намного счастливее и здоровее, чем те представители трущоб, с которыми она общалась в прошлом. Но каждый раз, когда она начинала входить во вкус своей новой жизни, что-то заставляло ее выйти обратно.

Бал в середине лета был именно таким событием. Чандни ждала его с нетерпением. Для этого случая личные портнихи Императрицы сшили ей новое платье. Волосы отросли ровно настолько, чтобы больше не носить парик или косынку. Спускаясь по лестнице в Лазурную комнату вместе с другими дамами, она то и дело мельком замечала свое отражение в зеркалах и полированных панелях на стенах и думала, как много прошло времени после морозилок. Но когда она вошла в огромное помещение, ее сердце снова ожесточилось. Никто не потрудился сообщить ей, что бал посвящен ледяной тематике.

Это была такая шутка для богачей, догадалась она: отмечать самый длинный летний день на Центральной станции в зале, полном айсбергов. Под ногами лежал черный песок, а айсберги были такими большими, что Чандни подумалось: зал, скорее всего, снесли, чтобы их сюда завезти, а потом отстроили заново. В некоторых из них выдолбили пещеры, и музыканты брэнчали там странную музыку на современных инструментах, названия которых Чандни никак не могла запомнить. На других айсбергах вырезали винтовые лестницы, и на верхушках собрались завсегдатаи вечеринок, тянувшиеся к расписному потолку. На длинном центральном помосте стояли ледяные скульптуры птиц и животных, а в центре – улыбающееся солнце, символ Зенитов, которое было пустым внутри и казалось наполненным красными и золотыми бабочками. На покрытых ледяной резьбой столах стояли куски льда, внутри которых заморозили аппетитные закуски. Было задумано, что они оттают за несколько первых танцев, и люди смогут освежиться ими, сойдя с танцпола.

На мгновение Чандни застыла в дверном проеме, словно ее снова поразила вспышка молнии. Она гадала, не было ли все это какой-то жестокой, нелепой насмешкой над ее прошлым. Единственными людьми, которые знали о заключении во льду, были Кала Танака и сама Императрица.

Кала танцевала с дядей Треноди, Нилешем, который в тот день прибыл из Кхурсанди. На ее простом старом лице играла глупая улыбка, и она, казалось, совершенно забыла о существовании Чандни Хансы. Треноди тоже танцевала, более официально, с Лиссой Делиус. На ней было серебристое платье с глубоким декольте сзади, а на смуглую кожу плеч и спины трафаретом нанесли замысловатые белые морозные узоры. Она, должно быть, просидела так несколько часов, пока кто-то брызгал на нее водой, подумала Чандни, и ей даже в голову не приходило, что у девушки из тюрьмы весь этот лед может вызвать холодные воспоминания.

– Вам нравится музыка? – спросил молодой офицер в форме Железнодорожных войск, решив пригласить Чандни на танец.

– Это музыка?

– Да! Это «Терминал Люфтганзы» – вы, наверное, знаете их? И я слышал, что потом будет играть «Морфема клюквы»...

– Я предпочитаю настоящие группы, – крикнула она сквозь шум музыки, – например, «Радикальный дневной свет»!

Но «Радикальный дневной свет» распался из-за художественных разногласий, когда Чандни в первый раз попала в морозилку, и по неуверенному взгляду молодого человека она поняла, что никто моложе пятидесяти о таких даже не слышал.

Она повернулась и ушла. Дворцовые коридоры были пусты, если не считать патрульных дронов из охраны, но Чандни просвистела им свой код допуска, и они ее не побеспокоили. Она взяла ценный маленький артефакт Древней Земли из ниши рядом со входом в Комнату с водопадом. За окном над городом взлетали фейерверки, серебристые и белые, рисуя на небе огромные снежинки.

Треноди тоже не получала удовольствия от вечеринки. Ей показалось хорошей идеей украсить бальный зал в стиле портретов айсбергов ее матери, но они лишь заставили ее тосковать по черным песчаным пляжам Малапета, а мать предпочла остаться дома и рисовать – она не любила вечеринки. Конечно, Императрица не могла убежать к себе в комнату, поэтому Треноди осталась танцевать, улыбаться и говорить все обычные бессмыслицы всем обычным бессмысленным людям. Но она была рада, когда завсегдатаи вечеринок направились к своим автомобилям, аэромобилям и гостевым комнатам на нижних этажах, оставив дворцовый персонал плавить айсберги с помощью нагнетателей горячего воздуха и сметать тонны мокрого песка.

Она отправила своих фрейлин спать, недоуменно размышляя о том, куда делась Чандни Ханса, и поднялась на лифте к себе в покои на верхнем этаже. По дороге в гарнитуре зазвенело сообщение. Она подождала, пока все слуги и охранники уйдут, а потом бросилась на один из огромных диванов и проверила, от кого оно пришло. Блаженное одиночество гораздо лучше вечеринок. Она была капельку пьяна. Спальня вращалась вокруг нее, и это не было неприятным чувством. Сообщение пришло с «Хрустального горизонта» – с поезда, который возил ее на Марс. Должно быть, ей предоставили личный канал, когда она была его пассажиром. Это был хороший старый поезд, но она не понимала, почему он посылает ей сообщения посреди ночи.

Императрица Треноди, пожалуйста, свяжитесь со мной.

Треноди сбросила туфли и согнула пальцы ног, на которые во время танцев наступали многие важные персоны (недостаточно важные, по мнению Лиссы Делиус; многие семейные корпорации остались в стороне, недовольные новыми законами, которые железнодорожный маршал протолкнула через сенат, пока средства массовой информации были заняты освещением марсианской поездки).

Треноди послала ответ на «Хрустальный горизонт». Сигнал ожидания на мгновение вспыхнул в уголке ее глаза, затем появилось неподвижное изображение старого поезда, и его голос произнес:

– Императрица Треноди! Простите, что прерываю вас. Как вы знаете, я вернулся к обычной службе и сейчас покидаю Центральную станцию. Я отбываю в три-двадцать на Узел Угольного Мешка...

– В три-двадцать? – Треноди зевнула. – Неужели уже так поздно? То есть так рано?

– Я не могу долго говорить, Императрица Треноди, через минуту я пройду сквозь шлюз. Но вчера я слышал кое-что очень странное в Чибе. Локомотив под названием «Деревья принятия решений» сообщил мне, что один из его пассажиров был застрелен. На борт поднялись два человека из службы безопасности Преллов и сказали «Деревьям», что этот молодой человек – террорист. Надо сказать, после того, что случилось с «Диким огнем» и «Временем даров» мы все немного нервничаем по этому поводу, так что «Деревья» позволил им продолжать, думая, что они его арестуют. Но они застрелили его! Он мертв!

– Продолжай.

– В общем, как раз перед тем, как это случилось, молодой человек связался с поездом. Он сказал, что его зовут Коби Чен-Тулси. Сказал: «Передайте Треноди Зенит, что Преллы собираются напасть на Центральную станцию».

Треноди, которая концентрировалась лишь вполсилы, села и открыла глаза. Она встала и пересекла покой; окна автоматически распахнулись, когда она вышла на широкий балкон. Город сиял в темно-синей ночи: дорожные покрытия мягко светились солнечным светом, которым напитались в течение дня; вдали двигались цепочки янтарных огней – окна поездов.

– Коби? Коби Чен-Тулси? Он... *что?*

– Он сказал: «Передайте Треноди Зенит, что Преллы собираются напасть на Центральную станцию». А потом его застрелили. «Деревья принятия решений» переслал мне запись. Она в плохом разрешении...

– Покажи, – велела Треноди.

На этот раз Чандни действительно уезжала. Бальное платье лежало на спинке стула, как сброшенная кожа, она переоделась в черные брюки и черную тунику. Не то чтобы она собиралась улизнуть из дворца. Она просто воспользуется одной из машин из гаража для персонала и попросит высадить ее на ближайшей платформе К-трассы. Но черная одежда хорошо на ней смотрелась, и она не станет привлекать внимания в том мире, который решила покинуть.

Она почти ничего не брала с собой. Артефакт с Древней Земли, который она наугад взяла в коридоре, представлял собой маленькую золотую статуэтку, уютно лежавшую в кармане туники – Чандни может продать ее в Амберсае или К'мбусси. Запасная одежда была упакована в сумку: свернутое белье и скомканные носки. Небольшая на вид сумка вмещала больше вещей, чем Чандни накопила за долгое время. Теперь она ждала 3:30 утра, когда, по ее расчетам, наконец-то выметутся последние гости.

Когда раздался грохот, она вскочила со стула. Ей потребовалась секунда или две, чтобы понять, что никто не стучится к ней – колотили в дверь покоев Калы Танаки, прямо по коридору. Колотили и кричали:

– Кала! Кала!

Колотили, кричали и рыдали.

Чандни никак не могла притвориться, что спит. Она подошла к двери и открыла ее. В коридоре стояла сама Императрица Треноди, босая, но все еще в бальном платье, подняв кулак, чтобы еще раз за что-то наказать дверь Калы. Она повернула к Чандни лицо, испачканное тушью и искаженное страданием. Ее дроны попытались занять позицию между ней и Чандни, и она раздраженно отмахнулась от них.

– А где Кала? – Она всхлипнула.

Чандни быстро соображала, ища какой-нибудь предлог, который спас бы ее от участия в приступе безумия богачки. Но насколько она могла видеть, никого другого рядом не было.

– Скорее всего, проводит ночь с вашим дядей Нилешем в его гостевых апартаментах. Кажется, они были очень рады видеть друг друга на вечеринке. Вы пробовали дозвониться до нее по гарнитуре?

– Коби мертв! – воскликнула Треноди. – Поезд прислал мне кадры! Его убили! Он сказал, что Преллы планируют нападение...

– Может быть, надо сообщить об этом охране? В смысле, всем телохранителям, дронам и прочему, что вас сторожит?

– Но я не знаю, правда ли это! Вдруг это клевета или еще что. А я не хочу поднимать всеобщую тревогу, только не с Преллами – это будет чрезвычайное происшествие, и если это неправда... Но это и не может быть правдой... он ведь не может быть мертв, да?

– Покажите, – сказала Чандни, открыла дверь пошире и впустила Треноди к себе в спальню. Сумка лежала на полу там, где девушка ее оставила. Она пнула ее в угол, надеясь, что Треноди не заметит.

Как только Чандни это сделала, видеофайл передался с гарнитуры Треноди на ее собственную. Он содержал зернистые обрывки кадров с потолочных камер в тамбуре поезда. Вбежал молодой человек, за ним еще двое мужчин. У преследователей были бледные бритые головы. Затем кадр переключился на узкую туалетную кабинку. Молодой человек смотрел в камеру.

– Поезд, передай Треноди Зенит, что Преллы собираются напасть на Центральную станцию, скажи ей, что я... – затем грохот – *выстрел*, парень кричит в панике: – Я Коби Чен-Тульси! Я важная персона!

Еще один выстрел, отбросивший его назад к окну. На треснувшем стекле появилось пятно, когда он упал на бок и пропал из виду.

Чандни выругалась.

– Где поезд, который вам это прислал?

– Покинул планету. Это же клевета, не так ли? Кала всегда замечает такие вещи – она скажет...

Чандни позволила ей болтать дальше. Она открыла на гарнитуре расписание К-трассы. Появились данные о прибытии всех поездов на платформы Центральной станции. Рядом с одним висел красный флаг: рейс 3.44 из Чибы задерживался. В этом не было ничего необычного. В результате давней ошибки биотехнологов на Чибе большая часть планеты была занята одним огромным заводом – «Вельткраутом». Поезда иногда задерживались там из-за железнодорожного полотна. Но именно сегодня это почему-то казалось зловещим, потому что Чиба был узлом, связывавшим миры Прелл с остальной сетью.

– Позвоните охране, – сказала она Треноди. – Позвоните Делиус. Вряд ли это розыгрыш.

Треноди пристально посмотрела на нее, потом пару раз моргнула и со слезами на глазах стала объяснять все это по гарнитуре. Чандни вышла на балкон. Прохладный ночной воздух, три луны, нависшие над горами, словно стратокрейсеры в ожидании взлетной полосы. По многочисленным виадукам вокзального города двигались поезда. Слишком много поездов для такого раннего часа.

– Императрица, – сказала она, и когда повернулась, что-то ужасающе быстрое и громкое пронзительно взвыло в небе и врезалось в покои Треноди этажом выше. На нее обрушилось пламя и обломки, когда она нырнула вглубь спальни, но комната накренилась, будто пытаясь выбросить ее обратно на балкон – который исчез, разбившись о стену из-за другого балкона, упавшего сверху. Треноди что-то кричала. Чандни тихо выругалась. Потом она снова услышала этот рев, пронесшийся по воздуху с огромной скоростью, и что-то подхватило ее, сбilo с ног и *подбросило*. Чандни закричала и едва заметила, что рухнула на пол. Ее крик затерялся в буре отвратительного шума и ошеломляющей вспышке света.

Глава 11

Только что Треноди разговаривала по гарнитуре с человеком из дворцовой охраны, а в следующее мгновение стало темно, и она неловко обмякла в углу. Стало *очень* темно – она не могла разглядеть ничего, кроме тускнеющего красного пятна, остаточного следа какой-то колоссальной вспышки. Сначала она еще и почти ничего не слышала, но потом в ушах что-то щелкнуло, и вдалеке послышался треск хлопушек и шелест какого-то целлофана, который, как она поняла, был звуком выстрелов.

Так почему же темно? Почему нет огня? Пламя должно быть – она чувствовала его жар одной стороной лица, чувствовала запах гари, но не могла его видеть, потому что была ослеплена.

– Чандни! – крикнула она. – Чандни Ханса!

Нет ответа. Треноди поднялась на четвереньки, собираясь бежать, но не знала, в какую сторону. «Взрыв», – подумала она и поползла, как ребенок, прочь от жара и треска огня. Ковер под ее руками хрустел, как жареные морские водоросли. Где-то выла сирена. Ей казалось, что она все еще слышит стук крыльев дронов-колибри, но связаться с ними не получалось, и когда она протянула руку к тому месту, где была гарнитура, то обнаружила, что та исчезла.

– Чандни? – закричала она. – Помогите!

Раздавалось много громких взрывов, хоть и далеко, но не слишком.

Каждый раз, когда она их слышала, воспоминания о Веретенном мосту поражали ее, как шрапнель. На мгновение ей показалось, что она до сих пор там. Такие вещи ведь не повторяются дважды, правда? Наверное, все это – одна большая непрекращающаяся катастрофа, а странный промежуток времени, в течение которого она стала Императрицей и переехала в имперский дворец, был всего лишь галлюцинацией, вызванной шумом, огнем и страхом.

Кто-то схватил ее за руку. Она кричала и не могла остановиться, даже когда узнала голос Чандни, говорившей:

– Все хорошо, все хорошо...

– Где ты была? Я звала тебя...

– Я на мгновение потеряла сознание. Теперь все в порядке.

– Нет, не в порядке – *я ничего не вижу!*

Она попыталась вырваться, и Чандни залепила ей сильную, обжигающую пощечину. Это заставило Треноди замолчать достаточно надолго, чтобы Чандни прижала что-то к ее лицу. Она почувствовала, как гарнитура вернулась на место: звук за ухом, видео – у виска. Чандни крепко держала ее голову одной рукой, пока возилась с настройками.

Внезапно Треноди снова обрела способность видеть. Не глазами, которые все еще горели от взрыва, словно их поджарили на гриле, а через камеру гарнитуры, которая передавала образы прямо в мозг. Она видела Чандни тусклым зеленым призраком на фоне клубившегося более темного дыма и ярких пятен, которые, как она догадывалась, были пламенем.

– Надо убираться отсюда, потому что все горит! – крикнула Чандни, хватая сумку из угла и стряхивая с нее куски потолка, прежде чем закинуть на плечо. Треноди опустила взгляд и увидела, что Чандни взяла ее за руку. Она словно смотрела на экран – как будто все это происходит с кем-то другим.

– Что случилось?

– Ракеты или что-то вроде того, – сообщила Чандни, поднимая ее на ноги. – Полагаю, это Преллы.

– Они, наверное, сошли с ума! Железнодорожные войска их раздавят. Это будет концом их семьи...

Они вместе прошли по разрушенным покоем. Несколько дронов Треноди уцелели после взрыва и полетели вперед в виде V-образного строя, когда Чандни толкнула дверь и вышла в коридор. Там, где раньше располагались апартаменты Калы Танаки, открывался просто головокружительный вид на город, в котором полыхало несколько крупных пожаров. Штаб-квартира Лиссы Делиус на верхних этажах башни Железнодорожных войск пылала, как факел. Зубчатые летающие предметы мелькали в дыму. Рев двигателей стих, только когда они убралась достаточно далеко.

– Но Служба охраны сказала, что опасности нападения нет, – возразила Треноди. – Что все под контролем...

– Значит, они ошиблись, – ответила Чандни, таща ее мимо дыры дальше, в коридор пошире, который выглядел целым. – На О-связке и Спиральной линии были задержки рейсов. Преллы, должно быть, останавливали движение, чтобы пропустить собственные боевые поезда.

Они шли по коридору. Стояла удивительная тишина. Где же спасательные дроны? Где охранники? Стайка птичек-оригами, сложенных из золотых и серебряных листьев, свисала с потолка, дико трепеща на странных ветрах, витавших по дворцу. Впереди на лестничной клетке эхом отдавались голоса, выкрикивавшие приказы на боевом коде Железнодорожных войск.

– О, слава Стражам! – воскликнула Треноди, спеша навстречу отряду солдат в синих доспехах, которые поднимались по лестнице.

Чандни попятилась назад. Она задумалась. Если она смогла проверить расписание движения поездов и сказать, что вот-вот произойдет что-то плохое, то почему охранники этого не заметили? И почему Треноди сказали не волноваться?

Она подсекла Императрицу подножкой сзади, отчего обе рухнули на твердый пол. Возмущенный визг Треноди заглушил резкий звук выстрела, когда солдат в переднем ряду поднял пистолет и нажал на курок: пуля рассекла воздух там, где только что была ее голова. В тот же миг дроны-колибри отреагировали на угрозу, сложив крылья и превратившись в маленькие ракеты. Поджигая хвосты, они полетели на отряд Железнодорожных войск. Послышались звучные взрывы, вспышки света, сырые удары и тяжелый звук падающих тел. Когда Чандни и Треноди подняли головы, то увидели, что часть коридора охвачена пламенем, а Синие мундиры мертвы.

– Но они ведь на нашей стороне... – сказала Треноди тоненьким удивленным голоском, который подошел бы совсем другой ситуации, словно диалог из детского сериала, наложенный на кровавую военную историю. Чандни встала и осторожно пошла сквозь дым туда, где лежали тела. Она взяла пистолет у одного из убитых и сняла с пояса другого аптечку, полную полевых хирургических принадлежностей. Когда она вернулась к тому месту, где пряталась Треноди, откуда-то снизу снова послышались крики, а затем внезапная быстрая очередь выстрелов, похожая на безумный стук молотка. Чандни помогла Треноди подняться и потащила ее по коридору.

– Не думаю, что Преллы пошли бы на такой шаг, не будь они уверены в победе, – сказала она. – На их стороне, наверное, половина Железнодорожных войск. Видимо, у них есть друзья еще и в Управлении расписания К-трассы, которые расчистили путь для боевых поездов.

– Но... тогда мы никому не можем доверять!

– Я никому не доверяла с самого начала.

Чандни большим пальцем открыла двери лифта и втокнула Треноди внутрь.

– Во время пожара лифтами пользоваться нельзя... – пробормотала Треноди.

– В здании пожар, – согласился лифт. – Пожалуйста, поднимитесь по лестнице.

– Заткнитесь, – сказала Чандни им обоим.

Лифт некоторое время двигался, а затем остановился.

– В следующий раз, когда окажетесь в горящем здании, – едко заметил он, – пожалуйста, подумайте о том, чтобы воспользоваться лестницей.

Они вышли на этаже администрации. Вокруг никого не было, только не замолкающий вой сирен. Девушки поспешили по широким служебным коридорам с позолоченными стульями, через дверь с надписью «ПОМЕЩЕНИЕ НЕ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ» и вошли в лабиринт грязных, тихих кабинетов, которые Императрице видеть было не положено.

– А что насчет Стражей? – спросила Треноди. – Они ведь это остановят, не так ли? Как они могли позволить Преллам так поступить?

Чандни не ответила, но в этом и не было нужды. Тренди и сама могла догадаться. Стражи наверняка знали, что задумали Преллы, потому что Стражи знали все. Если они позволили такому случиться, значит, они это одобрили. За ней охотились не только Преллы, но и их друзья из Железнодорожных войск. Сами боги отвернулись от нее.

– Что же нам делать? – спросила Треноди.

Чандни оглядела ее с ног до головы.

– Для начала снимите это дурацкое вечернее платье, – сказала она.

Треноди послушно начала снимать рваное, испачканное бальное платье. Чандни открыла сумку и выудила оттуда небольшую стопку одежды – хорошей, но простой: черной и серой.

– Когда ты успела собрать вещи? – спросила Треноди, но прежде чем Чандни успела придумать ответ, продолжила: – Я рада, что ты со мной. Без тебя... Спасибо.

Чандни смотрела, как Треноди одевается, раздумывая, не сказать ли ей, что она все равно собиралась уехать. Может, стоит объяснить, что тогда ее не оглушало взрывами. Она стояла и смотрела, казалось, целую вечность, пока Треноди вслепую ползала по горящей комнате и звала ее, а та ничего не отвечала. Чандни уже направлялась к двери, когда что-то заставило ее вернуться и помочь. Она все еще не понимала, зачем сделала это.

На дне шкафчика нашлась пара древних туфель примерно такого же размера, как у Треноди. В ящике стола обнаружились ножницы, которыми она обрезала волосы Треноди до черной щетины, еще короче ее собственной. Треноди, привыкшая к тому, что другие люди решают, как она должна выглядеть, и одеваться, ничего не сказала, просто стояла, закрыв глаза, пока тяжелые голубые локоны падали на пол вокруг ее ног.

Чандни тоже работала молча. Она размышляла, как объяснить Треноди, что именно здесь их пути разойдутся. Если она уйдет одна, то сможет исчезнуть в разрушенном войной городе и, возможно, воспользоваться тем хаосом, который породила атака Преллов. Она, конечно же, не собиралась рисковать попасться с беглой Императрицей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.